

— Н. А. ПОТАПОВА —

«ХАРБИНСКАЯ» ОПЕРАЦИЯ НКВД СССР

— 1937–1938 гг. —

МЕХАНИЗМЫ, ЦЕЛЕВЫЕ ГРУППЫ
И МАСШТАБЫ РЕПРЕССИЙ

А Л Е Т Е Й Я

Наталья Потапова

**«Харбинская» операция
НКВД СССР 1937–1938 гг.
Механизмы, целевые группы
и масштабы репрессий**

«Алетейя»

2020

УДК 94(47).084.6
ББК 63.3(2)615-4

Потапова Н. А.

«Харбинская» операция НКВД СССР 1937–1938 гг. Механизмы, целевые группы и масштабы репрессий / Н. А. Потапова — «Алетейя», 2020

ISBN 978-5-00165-200-7

Монография посвящена «харбинской» операции, проводимой органами НКВД в рамках так называемых национальных репрессивных кампаний периода Большого террора. Карательная акция реализовывалась на основании приказа НКВД СССР № 00593 от 20 сентября 1937 г., подписанного наркомом внутренних дел Н. И. Ежовым. Целевыми группами должны были стать бывшие служащие Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и реэмигранты из Китая, однако в процессе исполнения оперативного приказа под преследование попали китайцы, корейцы, уйгуры и др., которым инкриминировали японский шпионаж. «Харбинская» операция стала третьей по численности жертв после «польской» и «немецкой», около 50 тыс. человек прошли по приказу № 00593. Исследование опирается на широкий круг источников, прежде всего на делопроизводственную документацию НКВД СССР. Подобного рода источники до настоящего времени хранятся в ведомственных архивах. Помимо российских архивных фондов, в работе были задействованы документы архивов Украины, Грузии, Армении, Казахстана. На основании анализа источниковой базы определяются механизмы проведения карательной акции по приказу № 00593, целевые группы «харбинской» операции и масштабы репрессий. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94(47).084.6
ББК 63.3(2)615-4

ISBN 978-5-00165-200-7

© Потапова Н. А., 2020

© Алтейя, 2020

Содержание

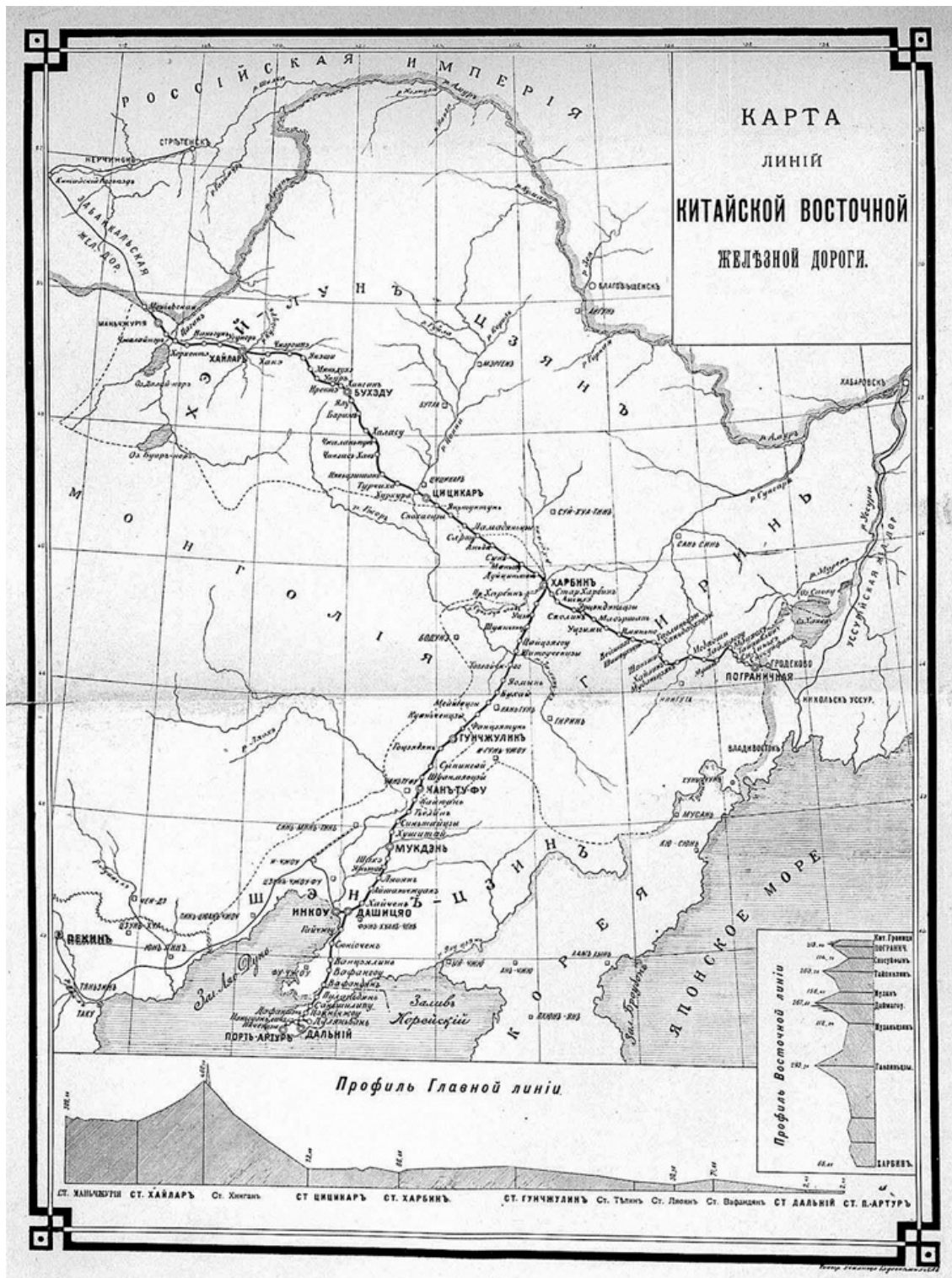
Введение	8
Глава 1. Механизмы проведения «харбинской» операции НКВД	24
1.1 «Национальные» операции периода Большого террора	24
1.2 Технологии репрессий «харбинской» операции	31
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Наталья Потапова
«Харбинская» операция НКВД СССР
1937–1938 гг. Механизмы, целевые
группы и масштабы репрессий

© Н. А. Потапова, 2020

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2020

* * *

Введение

Социально-экономические преобразования, проводившиеся в СССР в 1920–1930-е гг., сопровождались государственными репрессиями и принуждениями. Особого размаха и жестокости чистки достигли в период Большого террора. Согласно данным НКВД, в это время преследованиям подверглось около 1,4 млн чел., в том числе около 700 тыс. чел. было приговорено к расстрелу¹.

На рубеже 1980–1990-х гг. стал возрастать интерес к теме Большого террора. Этому способствовали процессы реабилитации жертв политических репрессий, а также открытие и введение в научный оборот архивных документов ранее находившихся под грифом «совершенно секретно». Проблематика Большого террора оказалась в центре научного внимания. В существующих работах по массовым репрессиям 1937–1938 гг. главное место занимает сам феномен Большого террора, его причины, масштабы, последствия и т. д. В то же время «национальные» операции (в частности «харбинская») как вторая по численности репрессивная акция Большого террора до настоящего момента исследованы крайне фрагментарно. Серьезное и многостороннее изучение истории «национальных» карательных акций вызвано необходимостью понять их причины, методы и последствия, а также преодолеть тоталитарные тенденции, существующие в современном обществе. Поэтому очень важным моментом является выработка научного знания по данной проблематике, что, в свою очередь, требует получения доступа к делопроизводственной документации НКВД СССР.

Актуальность данной научной проблемы определяется необходимостью анализа «харбинской» операции, вскрытия причин и условий, вызвавших карательную акцию, механизмов ее проведения, уточнения репрессированных групп населения, а также установления численности жертв по приказу № 00593. Законодательно-нормативные акты и оперативные приказы НКВД СССР 1937–1938 гг. не позволяют проследить объекты «харбинской» карательной акции, поэтому для их конкретизации как на общесоюзном, так и на региональном уровне необходимо привлечение новых делопроизводственных документов НКВД СССР, в том числе материалов внесудебных инстанций и «альбомов». В связи с этим актуальным является исследование реализации «харбинской» операции в регионах СССР, включающее выявление технологий ее проведения в республиках, краях и областях Советского Союза, установление региональных особенностей в определении групп населения, попавших в приказ № 00593, решение вопроса о том, насколько реальные жертвы террора совпадали с декларируемыми, и т. д.

Важным моментом в изучении «харбинской» операции является то, что некоторые выводы, полученные в результате изучения этой карательной акции, можно перенести на другие репрессивные мероприятия против «инонационалов» и «инограждан», в том числе выводы о механизмах их проведения, о роли Москвы и регионов в организации «линейных» репрессий, о разграничении карательных полномочий между центральным аппаратом НКВД СССР и территориальными чекистскими органами и т. д. Полученные результаты существенно расширяют представления об организации и проведении серии «национальных» операций.

Периоду массовых карательных акций 1937–1938 гг. посвящен значительный объем литературы отечественных и зарубежных авторов, основанной на различных по объему и полноте документах. Полный обзор историографии этой тематики может являться предметом отдельного исследования². В отечественной и зарубежной историографии Большого террора

---

¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. / Под ред. В. Данилова, П. Маннинг. Л.: Виолы; М., 1999–2006. Т. 5, кн. 2: 1938–1939. М., 2006. С. 163.

² См., например: Ким Д., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009; Тепляков А. Г. Деятельность органов ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД (1917–1941 гг.): историографические и источниковедческие аспекты.

можно выделить два периода: советский – 1960-1980-е гг. и постсоветский – начало 1990-х – до настоящего времени. В первый период возможности изучения массовых репрессий 1937-1938 гг. были очень ограничены из-за отсутствия источниковой базы. Тем не менее в это время историки обозначали черты террора, появились первые подходы и оценки. Данная тема, базовая для западной советологии, с началом 1990-х гг. стала ведущим направлением как в отечественной историографии, так и в историографии постсоветских стран. Ключевым событием для выделения второго этапа изучения Большого террора послужила «архивная революция», благодаря которой исследователи получили доступ к ранее закрытым архивным документам, в том числе ведомственному, внесудебному, учетному делопроизводству НКВД СССР, что значительно расширило источниковую базу исследований и способствовало более глубокому изучению карательной политики и механизмов репрессий. Благодаря «архивной» революции исследователи смогли в рамках Большого террора выделить три ключевых направления карательной политики: «кулацкая» операция, серия «национальных» операций и репрессии против партийно-государственной, культурной и научной элит.

Первые работы, посвященные непосредственно «национальным» операциям, появились во второй половине 1990-х гг. В начале 1990-х гг. российским исследователям А.Б. Рогинскому, Н.Г. Охотину, О.А. Горланову удалось получить доступ к материалам ведомственной статистики НКВД СССР, хранящимся в ЦА ФСБ России. Используя эти данные, ученые начали работу над созданием сборника документов по статистическим аспектам массовых операций 1937–1938 гг., которую не удалось завершить. Однако на основании делопроизводственной документации НКВД СССР историки из международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал» смогли показать механизмы и масштабы проведения «польской» и «немецкой» карательных акций. Алгоритм изучения массовых акций против «националов» был предложен Н.В. Петровым и А.Б. Рогинским, которые пришли к выводу, что приказ № 00485 («польский») стал «модельным» для директив НКВД по всем последующим «национальным» операциям. Именно они первыми указали на «безлимитный» принцип и на новый в практике НКВД процессуальный порядок осуждения – «альбомный». Авторы исследуют целевые установки «национальных» операций, механизмы их проведения, а также соотношение между «линейными» карательными акциями и другими массовыми операциями 1937–1938 гг. Историки показывают масштабы «польской» операции, делая заключение, что данная чистка стала главной в статистике НКВД СССР³.

В статье «Из истории “немецкой операции” НКВД 1937–1938 гг.» Н.Г. Охотин и А.Б. Рогинский показывают особенности второй по численности жертв «национальной» операции – «немецкой», проводившейся на основании приказа № 00439. Здесь авторы вводят в научный оборот не только общесоюзную статистику, но и региональную. Ими было выделено три направления репрессивной политики 1937–1938 гг. в отношении немецкого населения, а именно: административное выдавливание последних с территории СССР, изоляция германских диппредставительств и непосредственно аресты и осуждения. Причины «национальных» операций исследователи из «Мемориала» видят не в этнических чистках, они считают, что поводом для репрессий выступала «связь с границей». Кроме этого, в работе определяются целевые категории приказа № 00439, в их числе бывшие германские военнопленные, политэмигранты, перебежчики из Германии, «контрреволюционные активы» немецких национальных районов, бывшие германские подданные, работающие или работавшие ранее в оборонной промышленности и на транспорте, служащие диппредставительств, бывшие российские воен-

---

Новосибирск, 2018.

³ Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 22–43.

нопленные и служащие немецких предприятий, жены осужденных по «немецкой» операции и заключенные, отбывавшие срок за шпионаж в пользу Германии⁴.

В работах Л.П. Белковец⁵, В.И. Бруля⁶, В.В. Ченцова⁷, А.А. Германа⁸ представлена история реализации «немецкой» операции в отдельных регионах СССР, в частности в Западной Сибири, на Урале и в Украине, ее связи с предшествующими репрессиями против немецкого населения. Исследователи, опираясь на архивно-следственные дела, воспоминания большое внимание уделяют в своих работах не механизмам проведения «немецкой» «национальной» операции и ее масштабам, а скорее методам ведения «следствия». Саму чистку немецкого населения они рассматривают как один из этапов репрессивной политики в отношении представителей этой этнической группы.

Особенности проведения «немецкой» операции в Москве и Московской области отражены в работе А.Ю. Ватлина. Автор на материалах архивно-следственных дел, хранящихся в Государственном архиве РФ, рассматривает репрессии против немцев с 1936 по 1941 г. На примере немцев в СССР автор прослеживает трансформацию советского общества в 1920–1930-е гг. с целью создания «нового советского человека» единого образца. А.Ю. Ватлин выделяет три этапа достижения поставленной цели: теоретическая постановка вопроса, привлечение низовых инициатив в качестве «творческого» ответа на запрос власти и непосредственно устранение «чуждых элементов» через репрессии. Автор считает, что руководство СССР пошло по пути уничтожения «инонационалов» и «инограждан». Непосредственно самой «немецкой» операции НКВД 1937–1938 гг. в работе отведено немного места. Карательную акцию по приказу № 00439 исследователь рассматривает как один из периодов в растянутой по времени «немецкой» операции НКВД⁹.

Российский исследователь С.А. Кропачев на основании ведомственных материалов НКВД и партийных документов, опубликованных в сборнике документов «Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД»¹⁰, рассматривает «национальные» карательные акции как одну из важнейших составляющих репрессивной политики, связанную с активизацией в СССР борьбы с «национализмом», что, по его мнению, выразилось в усилении репрессий против национальных меньшинств. Автор отмечает, что именно в период Большого террора меняется политика государства в отношении отдельных этнических групп, что было обусловлено внешне- и внутриполитическими факторами. К первым относятся обострение международной обстановки, усиление напряженности в отношениях Советского Союза с соседними государствами, именно поэтому репрессии были направлены на поляков, немцев, харбинцев, румын, латышей, эстонцев, финнов, греков, афганцев, иранцев, китайцев, болгар и македонцев. К внутренним факторам С.А. Кропачев относит изменение общей стратегии национальной политики, так как «коренизация» не отвечала новой тенденции к усилению централизации государственной власти. При переходе к развернутому строительству социализма должна была наступить и новая стадия национальной политики¹¹.

---

⁴ Охотин Н.Г., Рогинский А.Б. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М., 1999.

⁵ Белковец Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири. Конец 1920-х – 1930-е годы. М., 1995.

⁶ Бруль В.И. Немцы в Западной Сибири. Топчиха (Алг. край), 1995.

⁷ Ченцов В.В. Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920–1930-е годы. М., 1998.

⁸ Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. М., 2007.

⁹ Ватлин А.Ю. «Ну и нечисть». Немецкая операция НКВД в Москве и Московской области 1936–1941 гг. М., 2012.

¹⁰ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004.

¹¹ Кропачев С.А. «Польская» и другие «национальные» операции НКВД СССР. [Электронный ресурс]. URL: <http://www/kubanmemo.ru>.

Российский исследователь И.Г. Джуха занимается изучением «греческой» операции. В своих работах он анализирует причины чисток в отношении греков, рассматривает судьбы репрессированных. Непосредственно карательную акцию против греков 1937–1938 гг. историк относит ко второму этапу репрессий против греческого населения. Первый – связывает с раскулачиванием в 1929–1935 гг., а третий – с массовой депортацией 1940-х гг. Автор полагает, что причина «национальных» операций сводится к тому, что И.В. Сталин испытывал большие затруднения в решении национального вопроса, так как этнические сообщества, «связанные круговой порукой», слабо поддавались контролю. Также И.Г. Джуха связывает репрессии против греков в СССР с ухудшением советско-греческих отношений¹².

С начала 2000-х гг. усилиями международного исследовательского коллектива под руководством немецких историков М. Юнге и Р. Биннера на основе ведомственного делопроизводства НКВД СССР разного уровня, материалов внесудебных инстанций 1937–1938 гг., а также архивно-следственных дел всесторонне изучается «кулацкая» операция, проводившаяся на основании приказа № 00447. К настоящему времени опубликована серия документальных и монографических изданий, вышедших в России, Украине, Грузии и Германии. Историками был предложен алгоритм исследования самой массовой карательной акции «по вертикали и горизонтали» через изучение репрессий в отношении отдельных целевых групп и в региональном аспекте, а также было сделано заключение об обоюдной ответственности за террор власти и общества. Особенности проведения «кулацкой» операции были показаны на примере некоторых регионов России¹³, Украины¹⁴, Грузии¹⁵.

В одной из последних работ «Большевистский порядок в Грузии» на примере закавказской республики исследуются все три главные операции НКВД Большого террора: операция по приказу № 00447, операция по «национальным» линиям и социальная чистка. На основании архивно-следственных дел и материалов внесудебных инстанций описываются особенности проведения в Грузии карательных акций. На примере «линейных» операций показан жесткий контроль московского центра над территориальными НКВД. Отдельная глава посвящена «национальным» операциям, в том числе «харбинской», где авторы сборника отвергают активно дискутируемый в историографии тезис об этнизации сталинизма. Исследователи убедительно доказывают, что причиной репрессий по «национальным» операциям выступала не этническая принадлежность арестованного, а его социальный статус и «антисоветское» поведение¹⁶.

Концепцию об этнизации сталинизма выдвинул немецкий историк Й. Баберовски на основе изучения политики сталинского режима в Азербайджане. Он считает, что «большевистское руководство воспринимало окружающую действительность как арену межэтнических конфликтов». Поэтому национальность оценивается автором как важнейший компонент того образа врага, который был присущ сталинской власти. В отношении массовых репрессий 1937–1938 гг. Й. Баберовски констатирует, что «этническая чистка занимала центральное место в системе сталинского террора». Позднее, изучив операцию по приказу № 00447, он заметил, что этнические чистки имели место только в 1938 г., а в 1937 г. репрессии проводились по социальному признаку¹⁷.

---

¹² Джуха И.Г. Греческая операция. История репрессий против греков в СССР. СПб., 2006.

¹³ Юнге М., Биннер Р. Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003; Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008.

¹⁴ Через трупы врага на благо народа. «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг.: в 2 т. / сост.: М. Юнге, С.А. Кокин, Р. Биннер, А.О. Довбня, Б. Бонвеч, И.Е. Смирнова, Г.А. Бордюгов; под. общ. ред. О.А. Довбни, Л.С. Макаровой. М., 2010.

¹⁵ Большевистский порядок в Грузии: в 2 т. / сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, О. Тушурашвили. М., 2015.

¹⁶ Большевистский порядок в Грузии. Т. 1: Большой террор в маленькой кавказской республике / сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч.

¹⁷ Baberowski J., Doering-Manteuffel A. The Quest for Order and the Pursuit of Terror. National Socialist Germany and the

Скептически к выводам Й. Баберовски относится российский исследователь А.И. Савин. Проанализировав архивно-следственные дела жертв массовых операций НКВД в Алтайском крае и Омской области, он приходит к выводу, что деление Большого террора на год социальный и год этнический является «умозрительной логической конструкцией», которая «не находит своего однозначного подтверждения в источниках». А.И. Савин говорит о тенденции этнизации сталинизма, которая была непоследовательной, неустойчивой по времени, переживала постоянные рецидивы возврата к традиционным социальным, классовым, политическим мотивам репрессий. Приводя аргументы «за» и «против» тезиса этнизации сталинизма на примере «немецкой» операции НКВД СССР, ученый приходит к заключению, что решающим критерием для репрессий по национальному признаку являлось «враждебное» социальное прошлое¹⁸.

В книге российского историка А.Г. Теплякова один из разделов посвящен расправе над «инонационалами» и «иногражданами» в Сибири. Он не приводит точной статистики репрессированных по «национальным» операциям в Сибири, а сами карательные акции рассматривает на основе ведомственной документации НКВД через показ кадровой истории и внутренней жизни ОГПУ-НКВД, агентурно-оперативной работы чекистов и их роли в массовых репрессивных кампаниях¹⁹.

Одна из глав диссертационного исследования российского историка Г.Д. Ждановой, на основе которого была написана монография «Политические репрессии на Алтае 1919–1938 гг.», посвящена проведению «кулацкой» операции и серии «национальных» операций в Алтайском крае. На основании архивно-следственных дел и материалов внесудебных инстанций автор делает заключение о том, что репрессии являлись инструментом очищения общества от социально чуждых элементов и устранения политических противников большевиков, к которым в разные периоды относились те или иные группы населения. Анализируя состав жертв репрессивной политики на протяжении 1920–1930-х гг., Г.Д. Жданова приходит к выводу о том, что Большой террор стал логическим завершением всех предыдущих репрессивных акций. По мнению исследователя, идея построения «чистого» общества путем искоренения «социально чуждых» и политически «враждебных» элементов являлась приоритетной для советской власти. Автор относит к основным группам риска Большого террора «бывших людей», имевших социально чуждое происхождение (кулаки, выходцы из дворян и помещиков, священники, торговцы и т. д.); лиц, имевших в биографии «темные» пятна (служба в белой армии, судимости, участие в антисоветских крестьянских мятежах); а также членов (в том числе бывших) иных политических партий и представителей оппозиции в партии большевиков. Г.Д. Жданова отмечает, что все эти категории граждан с 1920-х гг. попадали в группу риска. Большой террор расширил этот список, прибавив к нему «инонационалов». Историк видит цель репрессий в построении бесклассового общества советского образца (социальная инженерия), а достигалась она решением ситуативной задачи модернизации (в рамках политики коллективизации и индустриализации), а также задач, обусловленных военной угрозой (ликвидация пятой колонны). Важной заслугой автора является то, что она одна из первых историков для иллюстрации особенностей проведения «национальных» операций на Алтае использовала решения Комиссии НКВД и Прокурора СССР, которые позволили ей не только точно определить масштаб репрессий в регионе, но и составить социальный портрет репрессированных²⁰.

Stalinist Soviet Union as Multiethnic Empires // Beyond Totalitarianism. Stalinism and Nazism Compared / M. Geyer, S. Fitzpatrick. Cambridge, 2009.

¹⁸ Савин А.И. Этнизация сталинизма? «Национальные» и «кулацкая» операции НКВД: сравнительный аспект // Россия. XXI. 2012. № 3. С. 40–61.

¹⁹ Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ – НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008.

²⁰ Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае 1919–1938 гг.: историко-статистическое исследование. Барнаул, 2015.

На проведение «харбинской» операции наряду с «польской», «немецкой» и другими карательными акциями одними из первых обратили внимание историки из «Мемориала»²¹, однако специальное исследование так и не было проведено. Н.Н. Аблажей на материалах архивно-следственных дел и данных Книг памяти определила проблему, показав общесоюзные особенности проведения «харбинской» операции. Автор обратила внимание на то, что по приказу № 00593 были осуждены не только бывшие служащие КВЖД, но и реэмигранты из Китая, а также перебежчики. Кроме того, исследователь считает, что основанием для расстрела или заключения являлась принадлежность «харбинцев» к определенной категории населения, по которой было принято репрессивное решение. Автор обратила внимание, что количество репрессированных по приказу № 00593 почти в два раза превысило количество советских граждан, въехавших в СССР после продажи КВЖД, объясняя это включением в рамки «харбинской» операции реэмигрантов и перебежчиков 1920–1930-х гг. Также одну из причин проведения карательной акции по приказу № 00593 Н.Н. Аблажей видит в «связи с границей»²².

Ведущий российский историк В.Н. Хаустов склонен выделять так называемую японскую операцию НКВД СССР 1937–1938 гг. Он полагает, что карательная акция включала в себя аресты «харбинцев», депортацию корейского населения из Дальневосточного края, а также репрессивные акции, в том числе выселение из страны и расстрел или заключение в отношении китайцев. Данную операцию автор выделяет на основании обвинения этих категорий в «японском» шпионаже. Однако репрессии против самих японцев в рамках выделенной им «японской» операции исследователь затрагивает крайне фрагментарно, упомянув лишь, что в отношении последних советское руководство действовало достаточно осторожно²³.

Одним из первых обратил внимание на репрессии против китайцев в рамках «харбинской» операции российский исследователь В.Г. Дацышен²⁴. Его ученик С.М. Силонов на материалах архивно-следственных дел, хранящихся в архивах УФСБ по Красноярскому краю, Томской, Кемеровской, Новосибирской областям, Республике Хакасия, рассматривает репрессии в отношении интернированных китайцев в СССР. Автор заключает, что все интернированные китайцы, не репатриированные до 1937 г., попали под действие приказа № 00593. С.М. Силонов утверждает, что история интернированных китайцев, нашедших спасение на территории СССР в 1932–1934 гг., в 1938 г. завершилась их физическим уничтожением²⁵. Еще один российский историк Е.Н. Чернолуцкая на основании данных архивно-следственных дел чекистов Дальнего Востока смогла выявить особенности и масштабы так называемых китайских операций в Дальневосточном крае. Однако отсутствие материалов внесудебных инстанций не позволило ей показать, что «китайские операции» на Дальнем Востоке были вписаны в рамки приказа № 00593²⁶. Г.Д. Жданова, исходя из материалов внесудебных инстанций, отмечает, что по «харбинской» операции в Алтайском крае прошло около 40 % китайцев и корейцев от общего числа осужденных по приказу № 00593²⁷. Данное исследование одно из немногих, которое указывает на то, что корейское население стало целевой категорией «харбинской» карательной

²¹ Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 22–43; Охотин Н.Г., Рогинский А.Б. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М., 1999.

²² Аблажей Н.Н. С востока на восток: российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007; Она же. «Харбинская операция» НКВД в 1937–1938 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 80–85.

²³ Хаустов В.Н. Японская операция НКВД в 1937–1938 гг. // История сталинизма. Политические и социальные аспекты истории сталинизма. М., 2015. С. 106–118.

²⁴ Дацышен В.Г. Китайцы в Сибири XVII–XX вв.: проблемы миграции и адаптации. Красноярск, 2008.

²⁵ Силонов С.М. Интернированные китайцы в Сибири (1930-е годы). Красноярск, 2015.

²⁶ Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток, 2011.

²⁷ Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае 1919–1938 гг.: историко-статистическое исследование. Барнаул, 2015.

акции, несмотря на то, что тема преследований против корейцев в СССР периода Большого террора достаточно хорошо освещена в литературе²⁸.

В целом Большому террору в отечественной и зарубежной историографии посвящено значительное количество работ. Наиболее дискуссионные проблемы касаются вопросов о том, кто был направляющей силой репрессий и каковы были полномочия НКВД в проведении массовых карательных акций. Касаемо причин Большого террора большинство авторов сходятся во мнении, что они были связаны со страхом советского руководства перед появлением пятой колонны, желанием И.В. Сталина жесткими методами осуществить модернизацию СССР и физически уничтожить население, которое не вписывалось в новое «социалистическое общество». Среди массовых операций Большого террора в центре внимания находится «кулацкая» карательная акция. Благодаря коллективу исследователей во главе с немецким историком М. Юнге показаны не только механизмы проведения операции по приказу № 00447, но и технологии отбора жертв чистки и, что не менее важно, региональные особенности реализации этой репрессии. «Национальные» операции до настоящего времени остаются малоизученными. Из более чем десятка известных «национальных» операций НКВД в поле зрения специалистов попали только четыре: «польская», «немецкая», «харбинская» и «греческая». Несмотря на свою научную значимость, работы, посвященные перечисленным выше «линейным» карательным акциям, не отражают целого ряда проблем, в том числе не дают полного представления о механизмах проведения «национальных» операций, группах населения, попавших под репрессию, региональных особенностях и т. д. Следует заметить, что в настоящее время имеются работы, посвященные региональным особенностям политических репрессий, в которых «национальные» операции рассматриваются в контексте чисток 1920–1930-х гг. Исследования посвящены преследованиям против поляков, немцев в Западной Сибири, на Урале, в Украине и Московской области. Однако основная проблема данных работ заключается в весьма ограниченном использовании материалов ведомственных архивов, а в некоторых работах документы НКВД СССР вообще не задействованы. Главную группу источников для создания подобных работ составили архивно-следственные дела, которые лишь фрагментарно отражают механизмы и масштабы репрессий. Материалы внесудебных инстанций, особенно решений Комиссии НКВД и Прокурора СССР, а также Особого совещания при НКВД, не были задействованы даже в работах «мемориальцев». С протоколами «двойки» по Алтайскому краю знакомилась Г.Д. Жданова²⁹, а по Грузинской ССР – М. Юнге с коллективом исследователей³⁰. Поэтому исследование «харбинской» операции представляется достаточно перспективным и определяет новизну данного исследования.

В работе использовался широкий круг источников различных видов:

- законодательно-нормативные документы государственной и партийной власти;
- делопроизводственная документация органов власти;
- делопроизводственная документация НКВД СССР;
- база данных «Жертвы политического террора».

К группе законодательно-нормативных документов государственной и партийной власти относятся Конституция 1936 г., уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. В Конституции были зафиксированы основные принципы советского судопроизводства³¹. Положения Конституции детализировались и уточнялись в инструкциях о выборах в Советы³². Законодательство, регламентировавшее судебную практику, представлено Уголовными кодек-

²⁸ Сон Ж. Российские корейцы: всевластие и бесправие этнической общности 1920–1930. М., 2013.

²⁹ Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае 1919–1938 гг.: историко-статистическое исследование. Барнаул, 2015.

³⁰ Большевикский порядок в Грузии: в 2 т. / сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, О. Тушурашвили. М., 2015.

³¹ Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937). М., 1940; Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1937.

³² СУ РСФСР. 1922. № 51; № 71; 1925. № 79; 1926. № 75; 1930. № 54; СЗ СССР. 1934. № 50.

сами 1922 и 1926 гг. и Уголовно-процессуальным кодексом 1923 г., в которые вносились изменения, касавшиеся составов контрреволюционных преступлений и их подсудности. Изучение советского законодательства дает возможность определить структуру и функции органов правоохранительной системы, выявить, какие действия рассматривались как контрреволюционные преступления и т. д.

Делопроизводственная документация органов власти представлена материалами (стенограммой) *февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г.*, опубликованными в журнале «Вопросы истории»³³, а также *рядом постановлений Политбюро ЦК ВКП(б), принятых в 1937–1938 гг.* и касающихся проведения, продления, завершения массовых операций Большого террора. Документы февральско-мартовского пленума состоят из нескольких частей. Во-первых, направленный текст стенограммы заседаний, сохранившийся практически полностью. Во-вторых, стенографическая запись с собственноручной правкой выступавших. С точки зрения ценности данного памятника нужно отметить, что партийные материалы имеют особое значение, так как в силу специфики государственного режима они выступали в качестве генеральных руководящих документов. Материалы февральско-мартовского пленума дают некоторое представление о причинах «национальных» операций НКВД, о том, как накануне Большого террора высшее руководство страны воспринимало «инонационалов» и «инограждан». В работе также задействованы постановления Политбюро ЦК ВКП(б) с июля 1937 г. по ноябрь 1938 г., в том числе постановления об утверждении проектов оперативных приказов НКВД по массовым операциям 1937–1938 гг., о продлении репрессий, принимаемые на протяжении 1937–1938 гг., об окончании массовых операций и т. д. Значительная часть документов, показывающих роль высшей партийной власти в организации и проведении карательных акций, введена в научный оборот³⁴.

Особенно широко в работе использовалась *делопроизводственная документация НКВД СССР*.

В России до настоящего времени документы НКВД в основном хранятся в ведомственных архивах ФСБ (бывших КГБ), за исключением некоторых регионов, в их числе Алтайский край, где материалы внесудебных инстанций и прекращенные архивно-следственные дела были переданы на государственное хранение. К настоящему времени исследователи имеют доступ только к рассекреченным чекистским документам 1930-х гг., однако список таких документов, как правило, отсутствует. Помимо российских архивных фондов, в работе были задействованы документы из государственных и ведомственных архивов Украины, Грузии, Армении. Широкий доступ к документам советских спецслужб в Украине (открыто более 99 % архивных фондов) позволил не только увидеть республиканскую специфику «харбинской» операции, но и сделать некоторые заключения о проведении этой общесоюзной репрессивной акции.

В исследовании использовались следующие виды делопроизводственной документации:

- учетная документация НКВД СССР (архивно-следственные дела и «альбомы»);
- материалы внесудебных инстанций НКВД СССР (протоколы Комиссии НКВД и Прокурора СССР, Особого совещания при НКВД СССР и Особых троек НКВД);
- отчетная документация НКВД СССР (промежуточная и итоговая);
- оперативные приказы, директивы, телеграммы НКВД СССР и т. д.

³³ Стенограмма февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1992. № 2–3.

³⁴ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004; Юнге М., Биннер Р. Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003; Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008; Через трупы врага на благо народа. «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг.: в 2 т. / сост.: М. Юнге, С.А. Кокин, Р. Биннер, А.О. Довбня, Б. Бонвеч, И.Е. Смирнова, Г.А. Бордюгов; под. общ. ред. О.А. Довбни, Л.С. Макаровой. М., 2010; Большевицкий порядок в Грузии: в 2 т./ сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, О. Тушурашвили. М., 2015.

Учетная документация НКВД СССР представлена *архивно-следственными делами и «альбомами»*. *Архивно-следственные дела* являются одним из базовых источников изучения репрессированных групп населения, которые были арестованы или находились под следствием, однако в России исследователям доступны исключительно материалы на реабилитированных лиц. Во время работы над исследованием автором был изучен весь массив дел по «харбинской» операции, хранящихся в Отделе спецдокументации Государственного архива Алтайского края, около 700, 30 дел – в Центральном государственном архиве общественных объединений Украины, 100 – в Отраслевом государственном архиве Службы безопасности Украины, 50 – в архиве Департамента внутренних дел Восточно-Казахстанской области, 15 – в Национальном архиве Армении, 5 – в архиве МВД Грузии.

Архивно-следственное дело – это комплексный источник, содержащий многочисленные типы материалов. В целом дела содержат следующие группы документов (согласно классификации С.В. Журавлева³⁵): 1) документы о задержании и аресте; 2) документы о ходе следствия; 3) итоговые материалы следствия; 4) материалы, приобщенные к следствию; 5) материалы по реабилитации. Особый интерес (применительно к данному исследованию) представляют анкеты, содержащие биографические данные обвиняемых. Нередко сведения этих первичных документов изменялись в последующих документах следствия, в первую очередь в обвинительном заключении, в нужном для следствия направлении. Сотрудники карательных органов сознательно искажали социальное происхождение, политическое прошлое, род занятий, знакомства и другие актуальные для следствия характеристики. На основе анкет арестованных, протоколов допросов, обвинительных заключений частично воссоздается механизм проведения «харбинской» операции на региональном уровне, определяются полномочия территориальных органов НКВД, а также обозначаются целевые категории приказа № 00593 не только по этническому признаку, но и по социальному.

Данные протоколов допросов и обвинительных заключений коррелируются с закрытым письмом к «харбинскому» приказу, именно поэтому эти следственные материалы однотипны во всех регионах СССР. В делах на арестованных по «харбинской» операции имеется не более трех протоколов допроса, в том числе один из них составлялся непосредственно во время заполнения анкеты, так как в период массовых репрессий 1937–1938 гг. протоколировались только те допросы, на которых подследственные давали «признательные показания». В более 90 % случаев арестованный признавал себя «японским» шпионом, однако встречаются дела и «альбомные» справки (речь о них пойдет ниже) на лиц, не подписавших никаких обвинений против себя.

Следственные дела «харбинцев» различаются по объему – в зависимости от принципа их комплектования. Индивидуальные дела невелики, они содержат 10–15 страниц, тогда как коллективные могут содержать несколько томов. В 95 % случаев встречаются именно коллективные. В документах архивно-следственных дел имеется большое количество ошибок, в том числе опiski, исправления, искажения имен, фамилий, географических названий и т. д. Разного рода неточности встречаются в ордерах на арест, протоколах допроса, обвинительных заключениях.

Судебно-следственные дела завершаются документами по реабилитации осужденных: заявления репрессированных или их родственников о пересмотре дела, протесты органов прокуратуры на решения внесудебных органов, протоколы допросов свидетелей, представителей административных органов и органов власти, а также сотрудников советских спецслужб, ведших соответствующее дело или причастных к нему. Особое внимание отводилось материалам по проверке социально-политического прошлого обвиняемых и протоколам допросов следо-

---

³⁵ Журавлев С.В. Судебно-следственная и тюремно-лагерная документация // Источниковедение по новейшей истории России: история, методология, практика. М., 2004. С. 170–197.

вателей республиканских, краевых областных органов НКВД, в которых они давали показания о методах проведения следственных мероприятий, предписаниях центра и указаниях территориальных НКВД по репрессиям в отношении тех или иных групп населения.

В делах 1937–1938 гг. присутствует выписка из протоколов внесудебных инстанций о выбранной мере наказания, на основании которой можно определить, по какой массовой операции Большого террора заводилось конкретное следственное дело. Так как в «японском шпионаже» обвиняли не только тех, кто арестовывался по приказу № 00593, но и тех, кто подвергался репрессиям из числа советской элиты, и даже тех, кто проходил по «кулацкой» операции, то данная выписка необходима для корректного причисления осужденного к той или иной карательной акции.

Еще одним важным источником учетной документации НКВД СССР для изучения «харбинской» операции являются «альбомы». После завершения следствия территориальные органы НКВД СССР на каждого арестованного составляли на отдельном листе формата А4 справки, в которых слева указывали фамилию, имя и отчество обвиняемого, краткие биографические сведения (дата и место рождения, национальность, род занятий, социальное происхождение), № следственного дела, место временного содержания и дату ареста, а справа – суть обвинения, признание арестованным вины или ее отрицание, наличие изобличающих его показаний других репрессированных или свидетелей. Такие справки сшивались в «альбом» для отправки в Центральный аппарат НКВД СССР для утверждения по факту уже вынесенных приговоров. На каждой справке стояла подпись начальника территориального НКВД и местного прокурора. «Альбомы» сопровождался списком репрессированных с разделением их на первую (ВМН) и вторую (ИТЛ) категории. Следует пояснить, что в нашей работе использовались как «альбомы», хранящиеся в региональных ведомственных архивах (копии), так и «альбомы», которые посылались в Москву на рассмотрение и утверждение (оригиналы). На оригиналах на справках черным карандашом соответствующими буквами и цифрами пометали меру наказания (Р (расстрелять), 10, 8, 5, 3, Д (доследовать), ВК (Военная коллегия Верховного суда СССР), суд, ВТ (военный трибунал), ссылка³⁶, высылка³⁷). Справки с пометами «10», «8», «5», «3», «ссылка», «высылка» из «альбома» изъяты (они находятся в приложении к протоколам Особого совещания при НКВД СССР). Некоторые «альбомы», например дальневосточные, составлены в ином виде. ФИО арестованных с краткими анкетными данными и сутью обвинения размещали не на отдельной странице, а друг за другом, в очень сжатом и компактном виде. На каждого арестованного отводилось не больше 5 строк. В таких случаях строчки на лиц, осужденных по второй категории, вырезали.

Был обработан весь массив «альбомов» по «харбинской» операции для всех республик, областей и краев СССР. Массив справок по «харбинской» операции позволил не только выделить репрессивные линии (целевые категории), но и определить количество осужденных по приказу № 00593, также подобного рода учетная документация позволяет делать выводы о разграничении полномочий центра и периферии.

Материалы внесудебных инстанций представлены протоколами

- Комиссии НКВД и Прокурора СССР;
- Особого совещания при НКВД СССР;
- Особых троек.

На рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР в период проведения «национальных» операций передавали «альбомные» справки на лиц, осужденных на лагерное заключение, ссылку или высылку из страны. На основе справок формировался протокол заседания

---

³⁶ Здесь и далее: ссылка – выселение осужденного из постоянного или временного места жительства на окраины в пределах страны.

³⁷ Здесь и далее: высылка – выселение осужденного из постоянного или временного места жительства за пределы страны.

ОСО, где указывались номер протокола, дата заседания, имена присутствующих (председатель, члены и секретарь), ФИО репрессированных с датой и местом рождения, а также утвержденный приговор (от 3 до 10 лет лагерного заключения, ссылка, высылка). По «национальным» операциям этот внесудебный орган оформил порядка 2 тыс. протоколов, в которых арестованные по разным карательным акциям перечислены единым списком.

Протоколы Комиссии НКВД и Прокурора СССР включают в себя списки лиц, прошедших через Особое совещание, лиц, приговоренных к расстрелу или другим видам наказания, а также отражают передачу дел по подсудности на следствие. Для «национальных» операций заводились протоколы на основании данных одного «альбома» или сразу нескольких. В протоколах обязательно указывался номер оперативного приказа, в рамках которого осуждались арестованные. Нумерация протоколов велась в рамках операции по каждому оперативному приказу и в валовом порядке по мере поступления материалов из республик, краев и областей. В рамках «харбинской» операции двойка подписала 590 протоколов (с № 1 по № 590). В территориальное управление НКВД, по материалам которого был составлен протокол, направлялась копии, заверенные подписью сотрудника ГУГБ и печатью НКВД СССР. Все протоколы однотипны. В них указан номер протокола, дата, должности и фамилии лиц, присутствовавших на заседании (нарком внутренних дел СССР и прокурор СССР или их заместители), далее идут вводная часть («слушали: материалы на обвиняемых, представленные... (территориальный орган НКВД) в порядке приказа № 00593 от 20 сентября 1937 г.»), постановляющая часть (список репрессированных и утвержденные приговоры), в конце протокола – должности и фамилии присутствовавших на заседании, а также печать НКВД СССР и подпись сотрудника для особых поручений восьмого отдела ГУГБ НКВД СССР С.И. Кремнева. Постановляющая часть протокола разбита на две колонки. Содержание левой колонки менялось на протяжении всего периода проведения «национальных» операций. До середины октября 1937 г. в протоколах указывали только фамилию, имя и отчество осужденного, после этой даты к анкетным сведениям репрессированного добавили год и место рождения, с середины мая 1938 г. – подданство. Справа, напротив фамилии каждого обвиняемого, указывали репрессивное решение (прописными буквами), в том числе: расстрелять, заключить в исправтрудлагерь на... лет, дело доследовать, предать суду Военной Коллегии Верховного суда СССР, дело передать в суд и т. д. Содержание правой колонки тоже изменялось. До конца октября 1937 г. вместо «исправтрудлагерь» указывалось «заключить в концлагерь».

Следует обратить внимание, что были изучены как протоколы, направленные после их утверждения в регионы, т. е. копии, так и оригиналы, оставшиеся в центральном аппарате НКВД СССР. Разница между ними существует, и выражается она в рукописных пометках, которые имеются только в протоколах, хранящихся в региональных ведомственных и государственных архивах. Чаще всего вписано полностью или сокращенно место жительства осужденного на момент ареста – Бийск, Барнаул, Славгород, Ойротия, Харьков, Одесса, Аджария и т. д., т. е. таким образом определялось, кто проводил арест отдельно взятого человека (областной или районный отдел НКВД). В некоторых случаях указывалась национальность осужденного, особенно это характерно для Армении и Грузии. Иногда, когда Комиссия НКВД и Прокурора СССР не выносила приговор, в копиях протоколов указывалась дальнейшая судьба арестованного (дело прекращено, осужден другим органом, умер, выслан из страны и т. д.). Кроме того, подлинники протоколов подписаны наркомом внутренних дел Н.И. Ежовым и прокурором СССР А.Я. Вышинским.

Весь массив решений Комиссии НКВД и Прокурора СССР по регионам Советского Союза обработан (*Приложение Б*). Данные протоколов дают богатый материал для изучения «харбинской» операции. В них указан не только орган, представивший список репрессированных (территориальные органы НКВД или ДТО ГУГБ НКВД), но и республики, края и области, приславшие списки, что позволяет детально воспроизвести региональную статистику чисток

по приказу № 00593. Кроме того, на их основании можно проследить динамику утверждения приговоров, работу Комиссии НКВД и Прокурора СССР, а также сосчитать количество приговоров о расстреле, лагерном заключении (от 3 до 10 лет), ссылке, высылке из страны, сколько дел было передано на следствие, на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР, в военные трибуналы, суды, под гласный надзор. К протоколу прилагалась краткая справка-инструкция, которая обобщала статистические данные, а также указывала на ошибки, обнаруженные в «альбоме», в частности неверное написание ФИО репрессированного, повторное включение уже осужденных лиц и т. д. В целом протоколы Комиссии НКВД и Прокурора СССР в своей массе уникальны как источник по изучению «национальных» операций Большого террора, позволяющий восстановить механизм обработки «альбомов» в Центральном аппарате НКВД СССР, технологию составления и утверждения протоколов Комиссии НКВД и Прокурора СССР, разграничить репрессивные полномочия «двойки» и Особого совещания при НКВД СССР. А изучение копий и оригиналов протоколов позволяет уточнить деятельность территориальных органов НКВД СССР.

С сентября 1938 г. репрессивные решения по «национальным» операциям выносили *Особые тройки*. Протоколы оформлены единообразно: номер протокола, дата заседания, состав тройки, справа – «слушали», слева – «постановили». В левой колонке указывали номер следственного дела, название районного, областного отдела НКВД или ДТО ГУГБ НКВД, оформившего дело, фамилию, имя и отчество обвиняемого, краткие биографические сведения, суть обвинения, признал себя виновным или отрицает свою вину, наличие изобличающих его показаний других обвиняемых или свидетелей, место временного содержания и дату ареста, т. е. все то же самое, что и в «альбомной» справке. В правой колонке прописывали утвержденный приговор. Протоколы заверены подписями председателя, членов и секретаря Особой тройки. В протоколах имеются рукописные пометки. Иногда от руки подчеркнуты «компрометирующие» факты биографии обвиняемых («харбинец», китаец, кореец, служил в белой армии, раскулачен, казак, судим, перебежчик). Встречались протоколы, где напечатанный на машинке приговор был зачеркнут, а от руки вписана другая, более мягкая мера наказания. Последнее репрессивное решение соответствовало действительности. Были обработаны протоколы Особых троек по Алтайскому, Красноярскому краям, Новосибирской, Читинской, Омской, Киевской, Восточно-Казахстанской областям, Армянской, Грузинской, Украинской ССР.

В работе также широко представлена *отчетная документация НКВД СССР*, включающая *промежуточную и итоговую отчетность*. К последней относится многостраничный отчет НКВД об итогах «национальных» операций на 15 ноября 1938 г. Он представлен многочисленными статистическими справками о результатах работы Комиссии НКВД и Прокурора СССР и Особых троек. В справке о количестве осужденных центром (Комиссией НКВД и Прокурора СССР) в крайнем левом столбце перечислены республики, АССР, края и области, правее, напротив каждого региона, даны общие количественные показатели рассмотренных дел по «харбинской» операции, из них: дела на лиц, приговоренных к ВМН, 10, 8, 5 годам лишения свободы, ссылке, высылке; возвращенные на следствие; переданные в ВК, ВТ и суды. В конце таблицы традиционно итоговые цифры по СССР. Справка о количестве осужденных Особыми тройками по приказу № 00606 представлена также в виде таблицы. В левой колонке представлены репрессивные линии, под каждой из которых даны строки по первой и второй категории. Следующая колонка содержит данные об общем количестве осужденных для каждого региона СССР. Республики, АССР, края и области перечислены вверху таблицы. Еще одна справка о количестве дел, рассмотренных центром и Особыми тройками НКВД (УНКВД) по «польской», «немецкой», «харбинской» и другим операциям за время с 25.08.1937 по 15.11.1938 гг., содержит итоговые цифры по всем «национальным» карательным акциям. Также в отчете имеется справка о национальном составе осужденных Особыми тройками по «линейным» карательным акциям. Данные справки о количестве дел, рассмотренных

Комиссией НКВД и Прокурора СССР по приказу № 00593, подтверждаются сведениями, полученными при обработке протоколов «двойки», за исключением двух регионов, однако разница объясняется, вероятно, отсутствием 20 решений Комиссии НКВД и Прокурора СССР. В целом отчет НКВД СССР от 15 ноября дает богатый статистический материал как в общесоюзном, так и в региональном масштабе.

Также в работе использовалась *промежуточная отчетная документация НКВД СССР* регионального уровня, в том числе *докладные записки* на имя наркома внутренних дел Н.И. Ежова о ходе «национальных» операций. Такие доклады отправлялись до нескольких раз в неделю и содержали сведения о вскрытых и ликвидированных «контрреволюционных» организациях и группах, о численности репрессированных в промышленных и сельскохозяйственных сферах, о количестве арестованных по «национальным» операциям с начала проведения карательных акций. Еще одним видом *промежуточной отчетности* стали *шифртелеграммы* по «харбинской» операции, направляемые Н.И. Ежову из республик, краев и областей каждые пять дней, январские и апрельские отчеты о результатах «национальных» операций. Главная проблема такого рода документов состоит в том, что они предоставляют лишь отрывочные периодические статистические сведения, не показывая итоговую картину репрессий. Однако без них также невозможно всецело и всесторонне изучать механизмы проведения «харбинской» операции. Кроме того, при сравнении республиканской, краевой, областной отчетной документации вырисовываются региональные особенности репрессий.

Наиболее актуальным для нашей работы представляется обнаруженный в ЦА ФСБ *февральский 1938 г. отчет* о количественных результатах «харбинской» операции, который является *промежуточным отчетом*, подготовленным центром на основании данных из регионов. В нем приведены сведения не об общем числе осужденных по приказу № 00593, а о количестве арестованных в регионах с разбивкой на целевые категории: «харбинцы», китайцы и корейцы. И хотя его данные для нескольких территорий не совпадают с протокольными и «альбомными» данными, его привлечение к работе крайне важно, так как он создает общую картину репрессий против «националов» в рамках приказа № 00593.

Еще одной группой делопроизводственной документации НКВД СССР являются *оперативные приказы НКВД СССР 1937–1938 гг.* В документальных изданиях последних полутора десятилетий в научный оборот введен огромный массив материалов по «национальным» операциям из ведомственных архивов ФСБ³⁸. Это позволяет восстановить ход репрессивной политики в отношении «националов», выявить число запущенных «линейных» операций, частично восстановить технологии проведения карательных акций. Однако непосредственно приказ НКВД СССР № 00593 от 20 сентября 1937 г. и закрытое письмо к нему не опубликованы (*Приложение А*). ЦА ФСБ продлил срок хранения документа под грифом «секретно» еще на 50 лет. Однако копия письма хранится в ОГА СБУ, где оно было рассекречено в 2011 г. В ходе работы был обнаружен ряд чекистских документов, напрямую связанных с проведением «национальных» операций, но не введенных в научный оборот. В эту же группу входит также ряд инструкций, телеграмм, разъясняющих процедуру проведения «национальных» операций, подписанных наркомом внутренних дел СССР Н.И. Ежовым, а также сообщающих о выполнении приказов.

Еще к одной группе источников относится база данных «*Жертвы политического террора в СССР*», которая является самой масштабной попыткой объединения сведений о репрессиро-

---

³⁸ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собрание документов в 7 т. М., 2004; Лубянка: Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991: справочник. М., 2003; Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. М., 2004; Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. М., 2000. Т. 1: Март 1953 – февраль 1956; Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: в 2 кн. М., 2005; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. Т. 5, кн. 2: 1938–1939. М., 2001.

ванных на территории СССР, которая была предпринята историко-просветительским, правозащитным и благотворительным обществом «Мемориал». База включает в себя биографическую информацию почти о 3 млн репрессированных за весь период существования СССР. В основе издания лежат сотни томов «Книг памяти» различных регионов бывшего СССР. Основная часть биографических справок – около 2 млн – составлена на лиц, арестованных по политическим статьям карательными органами и приговоренных различными судебными и внесудебными инстанциями. Еще около 1 млн справок содержат сведения о лицах, репрессированных в «административном» порядке (высланные в ходе «раскулачивания» крестьяне, депортированные народы). Собранные в базе сведения составляют около 20 % от общего числа жертв преследований в Советском Союзе³⁹. Биографические справки составлены по 20 критериям поиска, в том числе ФИО репрессированного, год рождения, национальность, место рождения и место жительства, образование, партийность, место работы, даты ареста и вынесения приговоров, осудивший орган и статья, сведения о реабилитации и т. д. Материалы о репрессированных по «харбинской» операции, содержащиеся в базе, позволили частично дополнить информацию из личных дел относительно национальности, времени ареста, меры наказания.

В целом комплекс названных источников и материалов при условии критического подхода позволяет воссоздать механизмы проведения «харбинской» операции, определить численность репрессированных, назвать целевые категории.

Данное исследование представляет собой первое комплексное исследование по «харбинской» операции НКВД СССР на материалах всех регионов СССР. Привлечение нового корпуса массовых источников, в том числе материалов внесудебных инстанций НКВД СССР и «альбомов», дает возможность выделить целевые категории (группы населения) по приказу № 00593, составить представление о механизмах проведения «харбинской» карательной акции, выявить региональные особенности ее проведения.

Я выражаю свою благодарность сотрудникам архивов и всем, кто оказал помощь в подготовке книги. Отдельно свою искреннюю признательность я хотела бы выразить Прудовскому С.Б. за его неоценимый вклад в написание монографии. Долгое время он был внимательным и терпеливым учителем, собеседником и коллегой.

---

³⁹ См. Приложение к диску «Жертвы политического террора в СССР».

Хэндаохэцзы – русский поселок на КВЖД (2015 г.)

Глава 1. Механизмы проведения «харбинской» операции НКВД

1.1 «Национальные» операции периода Большого террора

Термин «массовые операции» в документах НКВД появился в конце 1930-х годов. Он обозначал карательные акции, которые проводили в масштабах всего Советского Союза в 1937–1938 гг. К таковым относились «кулацкая» операция, нацеленная на борьбу с «бывшими», и серия «национальных» операций, направленных на изъятие «иногражданского» и «инонационального» элемента. Главная цель «линейных» операций заключалась в борьбе с «диверсионно-повстанческими и шпионскими кадрами разведок капиталистических стран». Еще одним ключевым направлением репрессивной политики периода Большого террора стали преследования представителей партийно-государственной, культурной и научной элиты.

Идеологическое обоснование Большого террора дал февральско-мартовский Пленум ЦК ВКП(б) 1937 г. В докладе «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» И.В. Сталин призвал «выявлять и уничтожать» «вредителей», «диверсантов» и «агентов» из числа «бывших» и «чуждых». По мнению советского лидера, все перебравшиеся из-за границы – реальные или потенциальные враги, независимо от мотивов, способа и времени появления в СССР. Классовая принадлежность или политическое прошлое таких лиц не имеют никакого значения, они должны рассматриваться как представители (и, стало быть, агенты) враждебных государств. Из выступления И.В. Сталина следовало, что эти государства хотят уничтожить и ослабить Советский Союз. Для достижения своих целей они ведут против СССР непрерывную подрывную работу, т. е. фактически находятся по отношению к нему в состоянии необъявленной (до времени) войны. Соответственно и с агентами их следует поступать по нормам войны⁴⁰.

В марте 1937 г. нарком внутренних дел Н.И. Ежов дал указание перестроить работу НКВД СССР таким образом, чтобы «быть способными к активному наступлению против всех врагов советского строя», отметив «возможность военного нападения фашистских государств» и «лихорадочную деятельность разведок». В мае 1937 г. территориальные НКВД на закрытых заседаниях обсуждали распоряжение некоего «особого совещания ЦК ВКП(б)», в котором говорилось об очистке страны от «японо-германо-троцкистско-бухаринской агентуры»⁴¹. Массовые аресты различных «диверсионно-повстанческих», «вредительских» и «кулацких группировок» стартовали еще в апреле 1937 г.⁴² В середине июля 1937 г. Н.И. Ежов на совещании НКВД проинформировал о предстоящих массовых арестах поляков, немцев и «харбинцев»⁴³. Территориальным карательным органам предписывалось в рамках подготовительных мероприятий провести изучение своих учетов, просмотреть показания сексотов, справок «спецчастей» предприятий,строек, государственных учреждений. Полученным материалам был придан статус формальных данных для подготовки к аресту всех «неблагонадежных». Кроме того, весной 1937 г. начальники областных и краевых управлений стали официальными уполномоченными ЦК ВКП(б), что давало им право проводить неограниченные аресты в пределах под-

---

⁴⁰ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 95–109.

⁴¹ Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012. С. 216.

⁴² Хаустов В.Н., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2010. С. 332.

⁴³ Тепляков А.Г. Машина террора. М., 2008. С. 366.

ведомственной им территории⁴⁴. В это же время стартовали массовые аресты по обвинению в участии в «диверсионно-повстанческих», «вредительских» и «кулацких» группировках⁴⁵. Еще один важный этап в проведении карательных акций заключался в подготовке советского общества к массовым репрессиям при помощи искусственного раскручивания шпиономании. С марта 1937 г. в советской печати стали появляться статьи о шпионско-диверсионной работе иностранных разведок в СССР. В апреле 1937 г. на страницах журнала «Спутник агитатора» появилась публикация, посвященная «японским» церковным шпионам, проводившим «вербовочную работу» еще в начале XX столетия⁴⁶. Через несколько дней газета «Правда» напечатала статью о деятельности «японской» разведки на Дальнем Востоке, в которой сообщалось о массовых арестах шпионов и диверсантов, переброшенных из-за границы, о ликвидации вооруженных группировок, перешедших на территорию Советского Союза по заданиям иностранных разведывательных органов и т. д. Агенты «японской» разведки якобы занимались сбором сведений о расположении войсковых частей, аэродромов, промышленных предприятий, о состоянии дорог и т. д. Главная цель их деятельности сводилась к подготовке японо-советской войны. Автор статьи напоминал, что шпионы собирают нужные им сведения путем внешнего наблюдения. «Разъезжая по железным дорогам, посещая общественные места, они подслушивают и выуживают интересующие их сведения, заводят нужные им знакомства и используют болтливость отдельных советских граждан, которым по характеру их работы известны сведения, составляющие государственную тайну»⁴⁷. Через пару дней, 26 апреля в газете «Известия» была опубликована еще одна статья, посвященная «японскому» шпионажу. Главная идея новой агитационной работы заключалась в том, чтобы донести до советских читателей, что подготовкой разведывательных кадров для переброски в СССР занимаются все ведомства Японии, включая министерство земледелия и министерство народного просвещения, при этом такая работа ведется с начала XX века⁴⁸. В тот же день «Комсомольская правда» в статье «Агенты капитана Обара» повествует о шпионской деятельности в Забайкалье, проводимой японской военной миссией, главный штаб которой находится в Маньчжурии⁴⁹. В мае 1937 г., незадолго до начала массовых репрессий, газета «Правда» публикует большую статью «О некоторых коварных приемах вербовочной работы иностранных разведок», в которой приводятся конкретные примеры вербовки советских людей разведками капиталистических стран, в том числе Японии⁵⁰. Первоначальный вариант статьи имел название «О некоторых методах и приемах работы иностранных разведок», однако И.В. Сталин изменил заголовок, сделав его более жестким. Кроме того, вождь лично вписал в работу почти страницу текста, иллюстрирующего методы вербовки: «Советский работник, находившийся в Японии, встречался в ресторане с некой “аристократкой”. Во время одной из встреч в ресторане появился японец в военной форме. Он заявил, что является мужем этой женщины, и поднял скандал. В это время появился другой японец и помог замять дело после того, как советский гражданин дал письменное обязательство информировать его о делах в СССР. “Примиритель” оказался агентом японской разведки, а советский гражданин стал шпионом»⁵¹.

В конце каждой статьи, опубликованной на страницах советской печати весной – летом 1937 г., размещались призывы к усилению бдительности, к борьбе с иностранными разведками, к разоблачению врагов и т. д. Некий итог многолетней деятельности агентурной сети

⁴⁴ Панков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012. С. 216.

⁴⁵ ГАНО. Ф. П-460. Оп. 1. Д. 1. Л. 43.

⁴⁶ Спутник агитатора. 1937. 14 апреля.

⁴⁷ Правда. 1937. 23 апреля.

⁴⁸ Известия. 1937. 26 апреля.

⁴⁹ Комсомольская правда. 1937. 26 апреля.

⁵⁰ Правда. 1937. 4 мая.

⁵¹ Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М., 2015. С. 225–226.

Японии на территории СССР подвела статья «Подрывная работа японской разведки», вышедшая в двух номерах газеты «Правда»⁵². Количество и порядок выхода публикаций, их широкое обсуждение на партийных собраниях и собраниях трудовых коллективов привели к тому, что все советское общество было охвачено шпиономанией.

На волне шпиономании летом 1937 г. стартуют первые массовые операции НКВД, в том числе «кулацкая» от 30 июля 1937 г. и «польская» от 11 августа 1937 г. По мнению М. Юнге, с выходом приказа № 00447 («кулацкая» операция) террор в СССР стал «Большим»⁵³. Репрессии в стране санкционировало Политбюро ЦК ВКП(б), где нарком внутренних дел Н.И. Ежов представлял готовые тексты оперативных приказов⁵⁴. За июль 1937 г. – ноябрь 1938 г. высшую партийную санкцию получили «немецкий» (№ 00439 от 15 июля 1937 г.), «польский» (№ 00485 от 11 августа 1937 г.) и «харбинский» (№ 00593 от 20 сентября 1937 г.) приказы, «латышский» (№ 49990 от 30 ноября 1937 г.), «иранский» (№ 202 от 29 января 1938 г.), «афганский» (№ 226 от 16 февраля 1938 г.) меморандумы и директива по «греческой» операции (№ 50215 от 11 декабря 1937 г.).

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 января 1938 г. утвердило проведение «румынской», «финской», «эстонской», «болгарской», «македонской», «китайской» операций⁵⁵. Однако первый протокол по «румынской» карательной акции на арестованных УНКВД Молдавской АССР был утвержден Комиссией НКВД и Прокурора СССР еще в начале октября 1937 г.⁵⁶, на задержанных УНКВД по Ленинградской области в рамках «финской» операции – в начале ноября 1937 г.⁵⁷ Так называемая китайская операция стала частью репрессий по приказу № 00593⁵⁸. Фактически решение Политбюро только переводило уже идущие преследования регионального масштаба в общесоюзный формат. Кроме того, несмотря на утверждение новых репрессий, «болгарская» и «македонская» линии карательными органами как отдельные операции не проводились.

«Национальные» операции планировалось провести за три месяца, завершив их к концу 1937 г., но сроки неоднократно сдвигались. Только в середине ноября 1938 г. вышло совместное Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» о прекращении всех массовых операций, а последовавший за ним приказ НКВД № 00762 отменил все оперативные приказы и директивы. В течение всего времени проведения массовых репрессий 1937–1938 гг. Политбюро ВКП(б) и НКВД СССР постоянно активизировали и усиливали идущие в стране преследования при помощи вновь издаваемых оперативных документов, которые, как правило, дублировали друг друга. В январе и мае 1938 г. вышли постановления, продлевающие аресты и осуждения по признаку национальной принадлежности. Данные решения не только увеличивали сроки проведения массовых операций по всей стране, но и давали новый импульс карательным акциям. Кроме того, за период 1937–1938 гг. был издан ряд оперативных приказов, повторяющих целевые категории уже идущих карательных операций. Приказ № 00693 от 23 октября 1937 г. предписывал арестовывать перебежчиков. На жен и детей арестованных «националов» распространялось действие приказа № 00486 от 15 августа 1937 г. о репрессиях в отношении семей «изменников родины» и т. д.

⁵² Правда. 1937. 9–10 июля.

⁵³ Юнге М., Бишнер Р. Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003. 352 с.

⁵⁴ Решение Политбюро ЦК ВКП(б) № П51/324 от 20 июля 1937 г., № П51/564 от 9 августа 1937 г., № П53/107 от 19 сентября 1937 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memo.ru/history/document> (дата обращения: 03.10.2017).

⁵⁵ Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 468–469.

⁵⁶ УФСБ по Омской области. Ф. 6. Пор. 9558. Л. 2–7.

⁵⁷ УФСБ по Омской области. Ф. 6. Пор. 9749. Л. 1–14.

⁵⁸ См. подробнее: Глава 2, параграф 2.2.

В начале января 1938 г. органы НКВД запустили так называемую смешанную террористическую акцию⁵⁹. Оперативного документа, давшего старт новым преследованиям, выявлено не было. В «альбомах» также отсутствуют указания на соответствующую директиву НКВД. Однако целевые категории карательной акции совпадают со списком иностранных подданных, указанных в циркуляре НКВД «Об иностранцах» от 22 августа 1937 г. Документ предписывал отказывать гражданам Германии, Польши, Японии, Италии, Австрии, Аргентины, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Голландии, Дании, Кубы, Латвии, Литвы, Маньчжоу-Го, Мексики, Румынии, Финляндии, Швейцарии, Эстонии, Югославии, Англии, Франции, США, Испании, Турции, Чехословакии, Ирана, Афганистана, Греции в продлении видов на жительство⁶⁰. Циркуляр не исключал проведение арестов среди иностранных граждан. Главным образом в рамках «смешанной» операции репрессировали советских граждан, однако небольшой сегмент (около 20 %) приходился на иностранцев. Мы не утверждаем, что «смешанная» операция была запущена циркуляром «Об иностранцах», однако в документе точно названы страны, в пользу которых, по мнению НКВД, осуществлялся «шпионаж» арестованными. Главной особенностью «смешанной» операции стало то, что в ней не было магистрального для карательной акции обвинения в шпионаже. В обвинительной части протоколов Комиссии НКВД и Прокурора СССР причина осуждения значилась как «шпионская и диверсионная деятельность в пользу иностранных государств», хотя в «альбомных» справках причина репрессии присутствовала. Собственно, из-за объединения разных операций в одну данная карательная акция и получила такое название. В период работы Особой тройки (осень 1938 г.) «смешанная» операция распалась на отдельные карательные операции, в том числе «болгарскую», «бессарабскую», «итальянскую» и др. (в зависимости от региона).

Репрессии по «национальным» операциям сопровождались закрытием консульских и дипломатических представительств в СССР. Вышедший в конце октября очередной оперативный приказ НКВД СССР № 00698 предписывал проводить преследования в отношении служащих консульств Германии, Японии, Италии и Польши⁶¹. Постепенно этот список расширился. В 1937–1938 гг. сократилось число консульств Китая, Маньчжоу-Го и т. д. Уже бывших работников диппредставительств подвергали арестам и осуждениям по соответствующей «линейной» карательной акции. Часть так называемых консульских дел была передана на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР.

В историографии вопрос о количестве «национальных» операций периода Большого террора до сих пор обсуждается. Анализ протоколов Комиссии НКВД и Прокурора СССР показал, что в общесоюзном масштабе проводилось десять карательных акций: «польская», «немецкая», «харбинская», «латышская», «греческая», «афганская», «иранская», «эстонская», «финская», «румынская». Однако в некоторых регионах СССР «национальных» линий было больше, например «американская», «английская», «французская» и другие операции. Так, в Украинской ССР была проведена «чешская» карательная акция, которая не определялась как общесоюзная⁶². В Грузинской ССР явно обозначилась «турецкая» линия. Из 213 чел., включенных в «смешанную» операцию, около 43 % являлись турками⁶³. Поэтому региональные «национальные» операции, по решению Комиссии НКВД и Прокурора СССР, вошли в так

⁵⁹ См. подробнее: Глава 3, параграф 3.3.

⁶⁰ ОГА СБУ. Ф. 9. Д. 81. Л. 207.

⁶¹ ОГА СБУ. Ф. 9. Д. 10. Л. 81–82.

⁶² Через трупы врага на благо народа. «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг.: в 2 т. / сост.: М. Юнге, С.А. Кокин, Р. Биннер, А.О. Довбня, Б. Бонвеч, И.Е. Смирнова, Г.А. Бордюгов; под общ. ред. О.А. Довбни, Л.С. Макаровой, М., 2010. Т. 2: 1938–1941 гг. Второй этап репрессий. Завершение Большого террора и восстановление «социалистической законности». С. 150.

⁶³ Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 12. Д. 92.

называемые смешанные протоколы (или разные). Эта операция стала одиннадцатой в серии «линейных» репрессий.

Приказ № 00485 запускать не только аресты и осуждения по «польской» операции, но и вводил в практику НКВД новый порядок осуждения – «альбомный». Вывод Н.В. Петрова и А.Б. Рогинского о том, что «польский» приказ стал «модельным» для директив НКВД по всем последующим «национальным» операциям подтверждается материалами внесудебных инстанций. Все последующие оперативные документы по «линейным» операциям повторяют структуру и логику приказа № 00485. В преамбуле к ним содержится «обоснование» репрессии – утверждение об активизации в СССР разведывательных органов соответствующей иностранной державы и о перерастании этой деятельности из разведывательной в диверсионно-террористическую и повстанческую. «Польский» приказ обозначал целевые группы (перебежчики, политэмигранты, работники диппредставительств и т. д.), подлежащие «чисткам», и приоритетные сферы массовых репрессий (органы НКВД, ряды Красной армии, военная и оборонная промышленность), регламентировал сроки проведения операции и формы отчетности по ней⁶⁴.

Приказом № 00485 руководствовались сотрудники НКВД при вынесении следственных решений по «немецкой» операции, однако включали дела по «германскому» шпионажу в отдельный список, так как специального документа о начале репрессий издано не было, а вышедший в июле 1937 г. приказ № 00439 касался только германских граждан. Его действие рассчитано было на пять дней. Поэтому репрессии по «немецкой» линии шли в рамках оперативного документа № 00439, но по сценарию, заданному «польской» карательной акцией. Эта тенденция сохранялась и для последующих «национальных» операций. «Харбинская» карательная акция, так же как и другие «национальные» операции, проводилась согласно правилам, установленным приказом № 00485, сохраняя «альбомный» порядок осуждения, формы отчетности и т. д. Однако в ряду «линейных» репрессий она занимает особое место. На первый взгляд приказ № 00593 не был национально окрашен, в отличие от «польского», «немецкого», «греческого», «иранского», «афганского» и т. д. Целевыми категориями репрессий должны были стать преимущественно русские, а именно «харбинцы» (бывшие служащие КВЖД и реэмигранты из Китая), обвиненные в «японском» шпионаже. Эти особенности выделяют «харбинскую» карательную акцию в ряду других «национальных» операций и делают ее нестандартной.

Главная причина их проведения подавалась руководством страны как уничтожение пятой колонны в условиях надвигающейся войны, поэтому в список «предателей» были включены все те, кто имел любую «связь с границей». Целевыми категориями «национальных» операций стали военнопленные, политэмигранты, перебежчики, работники диппредставительств, белоэмигранты, этапированные в СССР, служащие иностранных предприятий. «Подозреваемыми» в шпионаже становились те, кто родился, учился, работал за границей, бывал в командировках или в гостях, поддерживал контакты с иностранными родственниками, друзьями или коллегами, общался с подданными других стран, находившимися в СССР, в том числе с дипломатами, послами, консулами, работал на иностранных предприятиях и т. д. Подобный вывод подтверждается анализом «альбомов» по «харбинской», «польской», «немецкой», «смешанным» и другим операциям. Критерием «преступности» в первую очередь выступала не этничность, а рождение или проживание во «враждебной» «капиталистической» стране или поддержание любой связи с ней. Именно эту составляющую территориальные органы НКВД пытались отразить в «альбомных» справках, в противном случае «альбомы» возвращали на доследование.

«Национальные» операции не были этническими чистками. Еще раз этот тезис подтверждается шифротелеграммой начальника УНКВД по Свердловской области Д.М. Дмитриева,

---

⁶⁴ Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 22–43.

который 21 марта 1938 г. докладывает заместителю народного комиссара внутренних дел М.И. Фриновскому о ходе карательных акций:

- по немецкой «линии» арестовано 4142 человека, из них 390 немцев;
- по польской – 4218 человек, из них 390 поляков;
- по «харбинской» – 1249 человек, из них 42 «харбинца»;
- по латвийской – 237 человек, из них 12 латышей;
- по румынской – 1 румын и 96 русских;
- по финской операции репрессировано 5 русских, 8 евреев и 2 прочих⁶⁵.

К весне 1938 г. «национальные» операции заняли главное место в репрессивной политике СССР, так как лимиты по «кулацкой» операции к этому времени многими регионами были выполнены. Теперь главный удар территориальные органы НКВД (УНКВД) нанесли по «неблагонадежным» группам, обозначенным в «линейных» приказах. На весну 1938 г. приходится пик их арестов. С этого времени действительно наметилась тенденция этнизации «национальных» операций, так как число репрессированных национальных меньшинств возрастает. Согласно отчету НКВД СССР, Особые тройки по «польской» операции осудили около 55 % поляков, «немецкой» – около 67 % немцев, «румынской» – около 12 % румын, «финской» – около 75 % финнов, «латышской» – около 64 % латышей, «эстонской» – около 81 % эстонцев, «греческой» – около 93 % греков, «иранской» – около 42 % иранцев, «афганской» – около 16 % афганцев⁶⁶. Даже к завершению Большого террора «национальные» карательные акции не стали этническими чистками. Треть (около 35 %) репрессированных осенью 1938 г. принадлежали к титульным нациям, это прежде всего русские, украинцы и белорусы.

В целом этничность, «связь с границей», социальный статус и «антисоветское» поведение увеличивали «шансы» подвергнуться репрессиям. К таким факторам относилось и место работы. Карательные акции в первую очередь прошли по государственным сферам, связанным с обороноспособностью страны: Красная армия, аппарат НКВД, оборонная, машиностроительная, угольная, нефтяная, химическая промышленность, черная и цветная металлургия, железнодорожный транспорт.

Репрессии по «национальным» операциям в каждой республике, области, каждом крае имели свою специфику и, как нам представляется, были непосредственно связаны с географическим положением региона. Особенно это отразилось на приграничных районах. Так, например, в УССР масштабные карательные акции были проведены по приказам № 00485, 00439, а также по «румынской» линии. По «польской» и «немецкой» операциям в Украинской ССР до сентября 1938 г. прошло около 50 и 74 % соответственно от общего числа осужденных по этим массовым операциям⁶⁷. По «румынской» операции около 83 % репрессированных было арестовано в УССР⁶⁸. «Греческая» карательная акция массово прошла в Краснодарском крае (41 %) и Донецкой области (31 %), «эстонская» и «финская» – в Ленинградской области (56 и 39 % соответственно). Репрессии по приказу № 226 прошли в Туркменской (12 %) и Таджикской (88 %) республиках. Массовая борьба с китайцами (80 %) велась на Дальнем Востоке.

Чистку усиливали кампании по выселению из СССР «неблагонадежных элементов». «Национальные» операции НКВД СССР сопровождались депортационными мероприятиями, особенно в приграничных районах, для форсированного очищения территорий. Так, «иранской» операции предшествовала высылка из Азербайджана «неблагонадежных элементов» из числа иранцев. После депортации дальневосточных корейцев начались репрессии этой категории населения и т. д.

⁶⁵ Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 639.

⁶⁶ ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Пор. 70. Л. 22.

⁶⁷ ОГА СБУ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 197. Л. 117.

⁶⁸ Архив УФСБ по Омской области. Ф. 6.

Таким образом, «национальным» операциям предшествовал долгий подготовительный этап, выразившийся не только в реорганизации аппарата НКВД, но и в подготовке советского общества к массовым арестам. Единичные репрессии в отношении целевых категорий «национальных» операций имели место на протяжении 1920–1930-х годов, однако апогея они достигли в период Большого террора. Карательные репрессии против «неблагонадежных» групп были проведены «по линиям» практически всех стран «враждебного окружения», однако критерием «преступности» в первую очередь выступала не этничность, а рождение или проживание во «враждебной» «капиталистической» стране или поддержание любой связи с ней. В список «предателей» были включены все те, кто имел любую «связь с границей». Поэтому операция по приказу № 00593 стоит в ряду «линейных» карательных акций, несмотря на то, что она была направлена в первую очередь против русских. Социальный статус репрессированных (статус перебежчиков, политэмигрантов, белоэмигрантов, «бывших» и т. д.) для чекистов выступал определяющим фактором чистки, а «связь с границей» выступала в качестве повода для репрессии. Главная причина «национальных» репрессий заключалась в уничтожении пятой колонны в условиях надвигающейся войны.

1.2 Технологии репрессий «харбинской» операции

Для изучения механизмов репрессий по приказу № 00593 следует проследить историю возникновения самого карательного решения и директивных документов, регламентирующих подготовку и проведение «харбинской» операции, вышедших как до начала акции, так и после нее. Рассмотрение алгоритма ее реализации следует начать с Политбюро ЦК ВКП(б), так как именно этот высший властный орган советского режима в составе первых лиц партии и государства – И.В. Сталина и В.М. Молотова – выступал инициатором массовых убийств и заключений в лагерь. Подготовка и реализация акции с начала до конца определялась множеством приказов, циркуляров, меморандумов, директив Политбюро и руководства НКВД. Эти указания, связанные с кампанией преследований, детально регламентировали все важные вопросы проведения массовых операций, в том числе «харбинской». Опубликованные протоколы заседания Политбюро 1930-х гг. показывают, насколько тщательно руководящий орган ВКП(б) занимался вопросами террора⁶⁹. Помимо рассмотрения действий вертикали террора, проведение «харбинской» карательной акции следует анализировать на уровне республик, краев и областей, так как именно здесь проводились массовые аресты.

Проведению «национальных» карательных акций 1937–1938 гг. предшествовала долгая подготовительная работа. Одним из направлений такой подготовки стало постепенное введение оперативного учета всех въезжающих на территорию СССР. Кроме того, целевые категории «национальных» приказов подвергались единичным репрессиям на протяжении 1920–1930-х гг., однако в период Большого террора чистка приобрела тотальный характер.

Первые преследования в отношении реэмигрантов из Китая и бывших служащих КВЖД, вернувшихся в Советский Союз после советско-китайского конфликта, относятся к рубежу 1920–1930-х годов. С обострением внешнеполитической обстановки репрессии в отношении названных категорий возрастают. Оккупация Японией Северо-Восточного Китая вызвала в СССР волну шпиономании в отношении бывших работников КВЖД. Уже июньская ориентировка 1933 г. заместителя председателя ОГПУ при СНК СССР Я.С. Агранова, в которой говорилось о возможной войне с Японией, предписывала осуществлять оперативный учет всех лиц, прибывших из Маньчжурии (главным образом находившихся в Харбине и в аппарате КВЖД), обеспечив их соответствующим «агентурным освещением», за исключением членов ВКП(б), не вызывающих подозрений. Ориентировка выделяла контингенты, завербованные японской разведкой, которые теперь также должны были подвергаться учету. К ним относились (помимо служащих КВЖД и эмигрантов в Китае) японцы, корейцы, китайцы, буряты, монголы, татары, проживающие в ДВК, а также сотрудники консульств. Чекистам рекомендовалось выявлять существующие среди них контрреволюционные группировки и выяснять характер их связей с японской разведкой в период пребывания за границей⁷⁰. Начиная с 1933 г. учет лиц, въезжающих в страну, становится тотальным. Подучетным населением становились перебежчики, реэмигранты, политэмигранты, работники иностранных концессий, военнопленные и др.

С 1934 г. по лето 1937 г. Особый отдел ГУГБ НКВД направлял в республиканские НКВД, областные и краевые УНКВД ориентировки о ликвидации в Москве «диверсионно-террористических и разведывательных организаций» японской разведки, состоящих преимущественно из реэмигрантов из Китая. В оперативных документах приводились примеры подготовки шпионов и диверсантов, иллюстрировалась их провокаторская деятельность на

---

⁶⁹ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 2: 1930–1939. Ка талог / отв. ред. Г.М. Адибеков, К.М. Андерсон, Л.А. Роговая. М., 2001. С. 874–1007.

⁷⁰ ОГА СБУ. Ф. 13. Д. 275. Л. 1–21.

территории СССР⁷¹. Назывались различные молодежные организации («Христианский союз молодых людей», «Черное Кольцо», «Союз Мушкетеров» и др.), учебные курсы и школы (автотракторная школа «Интернационал»), в которых, по мнению НКВД, готовились диверсанты, террористы, разведчики для последующей их переброски в СССР⁷². Военная промышленность, транспорт, гражданская и военная авиация, ряды Красной армии были определены ориентировками как основные места проникновения «шпионов»⁷³. Именно здесь чекисты ликвидировали «диверсионные группы». Кроме Москвы и Московской области «японских» шпионов арестовывали на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири⁷⁴. Ориентировки сопровождались протоколами допросов и/или обвинительными заключениями по «раскрытым» делам. Таким образом, «харбинцы» подвергались арестам и обвинениям в «японском» шпионаже еще задолго до начала массовых репрессий. Похожие ориентировки приходили из Москвы по «польским», «немецким» и другим «линиям». Присланные документы служили пособием при ведении следствия, а также вестником предстоящих репрессий против обозначенных целевых категорий.

В феврале 1936 г. заместитель наркома внутренних дел СССР Г.Е. Прокофьев утвердил циркулярное письмо, предписывающее всем начальникам экономических отделов НКВД (УНКВД) произвести полный и тщательный учет всех кадров, могущих быть использованными в «разрушительных целях» японской разведки в народном хозяйстве. При этом по сравнению с директивой 1933 г. подучетный контингент расширялся. Теперь к «японским» шпионам (помимо бывших сотрудников КВЖД и лиц, проживавших на оккупированной японцами территории) отнесли ездивших в Японию или Маньчжурию.

На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 19 сентября 1937 г. нарком внутренних дел СССР Н.И. Ежов выступил с проектом закрытого письма № 60268 «О террористической, диверсионной и шпионской деятельности японской агентуры из харбинцев», в котором сообщалось о направлениях и масштабах «японской разведки» на территории Советского Союза, и предложил к утверждению проект приказа НКВД СССР № 00593. Закрытое письмо являлось обоснованием начала массовой карательной акции против «харбинцев», а приказ – инструментом ее проведения⁷⁵.

Содержание письма коррелировалось с сюжетом статьи «Подрывная работа японской разведки», помещенной в газете «Правда» 9–10 июля 1937 г. В письме характеризовалась «террористическая, диверсионная и шпионская деятельность японской разведки», якобы осуществлявшаяся бывшими служащими КВЖД и реэмигрантами из Китая, корейцами, китайцами и монголами на территории СССР; приводились «приемы вербовки», «каналы переброски» и примеры конкретной «подрывной» деятельности. Однако в отличие от письма, в котором «японскими шпионами» были названы в первую очередь бывшие служащие КВЖД и реэмигранты из Китая, статья в ряды «разведчиков и диверсантов» ставила корейцев и китайцев, а также определяла Монголию, наряду с Китаем, местом дислокации «шпионов», откуда совершалась их переброска на территорию СССР. Публикация вышла в свет без указания автора. Но согласно записке Н.И. Ежова И.В. Сталину от 5 июля 1937 г. статья была написана сотрудником особого бюро НКВД СССР. Данное письмо подтверждает, что лидер государства ознакомился с текстом статьи и дал согласие на ее печать.

Оперативные документы по «харбинской» карательной акции были разосланы 20 сентября 1937 г. всем начальникам республиканских НКВД, областных и краевых УНКВД. К опе-

---

⁷¹ ОГА СБУ. Ф. 13. Д. 144. Л. 1.

⁷² ОГА СБУ. Ф. 13. Д. 273. Л. 2.

⁷³ ОГА СБУ. Ф. 13. Д. 1088. Л. 1.

⁷⁴ ОГА СБУ. Ф. 13. Д. 99. Л. 18.

⁷⁵ См. текст закрытого письма и приказа № 00593 в Приложении А.

рации по ликвидации «диверсионно-шпионских и террористических кадров «харбинцев» на транспорте и в промышленности» следовало приступить 1 октября 1937 г. В ходе карательной акции рекомендовано было подвергать арестам: 1) изобличенных и подозреваемых в террористической, диверсионной, шпионской и вредительской деятельности; 2) реэмигрантов и белогвардейцев; 3) бывших членов антисоветских политических партий, участников троцкистских и правых формирований; 4) участников фашистских организаций; 5) служивших в китайской полиции и войсках; 6) работающих в иностранных фирмах, прежде всего японских; 7) окончивших в Харбине курсы «Интернационал», «Славия», «Прага»; 8) владельцев и совладельцев различных предприятий в Харбине (рестораны, гостиницы, гаражи и проч.); 9) нелегально въехавших в СССР, а также принимавших китайское подданство; 10) бывших контрабандистов, уголовников, торговцев опиумом, морфием; 11) участников контрреволюционных сектантских группировок⁷⁶. Как видим, среди перечисленных целевых категорий приказа № 00593 нет упоминаний о национальных меньшинствах.

В первую очередь надлежало провести аресты в аппарате НКВД, в рядах Красной армии, на железнодорожном и водном транспорте, в гражданском и воздушном флоте, на военных заводах, в оборонных цехах других заводов, на газовых и нефтеперегонных заводах, в химической промышленности, во вторую очередь – арестовать всех остальных «харбинцев», работающих в советских учреждениях, совхозах и колхозах. Приказ № 00593 предписывал форсировать проведение репрессий против бывших служащих КВЖД и эмигрантов из Китая. К 25 декабря 1937 г. карательную акцию необходимо было завершить. Арестованных «харбинцев» рекомендовалось разбить на две категории. К первой относились изобличенные в диверсионно-шпионской, террористической, вредительской и антисоветской деятельности, которые подлежали расстрелу. Ко второй – все остальные, менее активные «харбинцы», которые подлежали заключению в тюрьмы и лагеря сроком от 8 до 10 лет⁷⁷. На каком основании относить арестованных к первой или второй категории, приказ не разъяснял, но предписывал выносить приговор после завершения форсированного следствия наркомам республик, начальникам УНКВД областей или краев, начальникам ДТО ГУГБ НКВД совместно с соответствующим прокурором республики, области, края, дороги. В целом приказ № 00593 состоял из двух частей. В первой освещено состояние учетно-оперативной работы по «харбинцам» и названы целевые категории, попадавшие под репрессии, а вторая дублирует «польский» приказ с перечислением мер по борьбе со «шпионажем» и инструкций по ведению следствия.

Вместе с приказом 20 сентября 1937 г. в регионы была выслана сопроводительная записка. Только для «польского» и «харбинского» приказа ведомством были подготовлены обширные сопроводительные письма: «О фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР» и «О террористической, диверсионной и шпионской деятельности японской агентуры из харбинцев».

Закрытое письмо и приказ № 00593 от 20 сентября 1937 г. – единый оперативный документ НКВД СССР. Бумаги по «харбинской» операции, получившие высшую партийную санкцию, разосланные 20 сентября 1937 г. по республикам, областям и краям Советского Союза, были завизированы не только Ежовым, но и секретарем третьего отдела Главного управления государственной безопасности НКВД Поляковым. Отметим, что «польские» материалы были подписаны, помимо Ежова, оперсекретарем ГУГБ НКВД СССР Ульмером. «Польской» операцией занимался весь аппарат ГУГБ, а «харбинской» – лишь его третий отдел, специализирующийся на противодействии спецслужбам восточных стран. Уже это показывает, что первоначально «харбинской» операции отводилась только второстепенная роль.

⁷⁶ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938 гг. М., 2004. С. 366–368.

⁷⁷ ОГА СБУ. Ф. 9. Д. 81. Л. 32–35.

Нельзя не обратить внимания на схожесть «польского» и «харбинского» письма. В вводной части приводилась история «возникновения» диверсионно-шпионской сети польской и японской разведок соответственно, затем перечислялись целевые категории «завербованных» для реализации агентурных заданий, далее подробно расписывалась террористическая, диверсионная и шпионская деятельность иностранных агентур, приводились типичные «приемы вербовки» и «каналы переброски» в СССР, примеры «подрывной деятельности». Кроме того, в письмах указывались не только отрасли промышленности, где рекомендовалось провести аресты в первую очередь, но и регионы Советского Союза, в которых работа иностранных разведок, по мнению центрального аппарата НКВД, велась особенно активно. Согласно закрытым письмам, «польские шпионы» разместились в Белорусской и Украинской ССР, а «японские» – на Дальнем Востоке, в Восточной Сибири и Московской области. Особое внимание уделялось сетевому принципу организации иностранных разведок. Логика центрального аппарата НКВД сводилась к тому, что деятельность «шпионов» направлялась иностранными организациями, главные штабы которых находились в Польше или Китае, а многочисленные подразделения, работающие под руководством таких штабов, «возникали» в промышленности и сельском хозяйстве страны. Разница была в том, что «польская разведывательная деятельность» осуществлялась только Польской военной организацией вместе со Вторым (разведывательным) отделом Польского генштаба, а «японская» – японской дипмиссией, полицией и некоторыми русскими эмигрантскими организациями, находящимися на территории марионетного государства Маньчжоу-Го⁷⁸.

Необходимость одновременного издания приказа и закрытого письма была продиктована особенностями «польской» и «харбинской» операций. Изданный 30 июля 1937 г. приказ № 00447 вышел без сопроводительного письма, так как ему предшествовала подготовка по учету подлежащих аресту контингентов, в результате чего целевые группы «кулацкой» операции были не новы для сотрудников НКВД. Категории, подлежавшие репрессиям по первым «линейным» карательным акциям, оказывались не очевидны для чекистов. Поэтому центральному аппарату НКВД необходимо было обосновать для территориальных органов необходимость массовых арестов «неблагонадежных» групп «национальных» операций, обозначив технологию выделения целевых категорий данных специфических карательных акций.

Пять глав письма выстроены в хронологическом порядке: от появления российских эмигрантов в Китае в начале 1920-х годов до продажи КВЖД в 1935 г. Логика чекистов сводилась к тому, что в течение 15 лет Япония на территории Китая осуществляла кампанию по массовой вербовке, подготовке и переброске в СССР японских «шпионов» из числа русских. Важнейшее место в письме отводится белоэмигрантским организациям, которые, по мнению чекистов, были созданы для обучения «агентурной деятельности» враждебно настроенных по отношению к советской власти русских, а также дается подробная инструкция, основанная на характеристике уже раскрытых дел. Таким образом, письмо для региональных органов НКВД служило пособием при ведении следствия, поскольку в нем были указаны эмигрантские организации в Китае, о которых региональные, областные и краевые чекисты могли и не знать, а также даны примеры составления групповых и индивидуальных дел на арестованных по приказу № 00593. Кроме того «харбинское» письмо являлось трафаретом при составлении протоколов допросов: все формулировки даны, оставалось лишь вписывать имена. Именно поэтому протоколы допросов, встречающиеся в разных регионах Советского Союза, однотипны. При этом сам допрос строился по сценарию заданному структурой письма. На первом этапе следователь выяснял время и причины прибытия в СССР. Затем арестованный неизбежно указывал на эмигрантские центры и организации, членом которых он являлся в период пребывания в Китае, раскрывал обстоятельства «вербовки» и переезда в СССР, называл список лиц, вовле-

---

⁷⁸ ОГА СБУ. Ф. 9. Д. 81. Л. 85–119.

ченных в «агентурную деятельность», а в конце допроса описывал свою подрывную работу на территории Советского Союза (поджоги мостов, вредительство в сельском хозяйстве, порча железнодорожного полотна и т. д.). Таким образом, условно протокол допроса состоял из пяти частей, которые даже по объему совпадали с закрытым письмом: меньше всего места отводилось вопросам о методах вербовки агентуры, больше – подрывной работе.

Приказ № 00593 обязывал руководителей УНКВД каждые пять дней отправлять отчет о проведении операции в НКВД СССР. На основе этих телеграмм в восьмом отделе ГУГБ НКВД СССР готовились сводные доклады. В дополнение к статистическим показателям Москва требовала от руководителей местных управлений НКВД предоставлять сведения о «политических настроениях населения», об отношении населения к операции. Н.И. Ежов также требовал направлять ему информацию о количестве выявленных «контрреволюционных групп» и изъятого у них оружия.

Сами сотрудники НКВД относили «харбинскую» операцию к числу «национальных», исходя из того, что поводом для преследований выступало обвинение в «связи с заграницей». Массовые аресты по «харбинской» операции начались 1 октября 1937 г. и проводились на основании имеющихся учетных справок, которые наряду с постановлением и ордером на арест подписывались не только начальниками отделений и отделов Управлений государственной безопасности (УГБ) УНКВД, но и прокурором. Задержания осуществлялись на основании постановлений и ордеров на арест, подписанных, как правило, начальниками отделений и отделов УГБ УНКВД. Функции прокуратуры ограничивались визированием постановлений на массовые аресты. На следствие отводилось не более месяца, после чего составлялось обвинительное заключение, в котором кратко излагалась суть обвинения. Роль прокуратуры в реализации «национальных» операций была сведена к минимуму, а полномочия НКВД были неограниченными.

Дела на «харбинцев» сотрудники НКВД заводи́ли еще летом 1937 г., т. е. до принятия приказа № 00593⁷⁹. Поэтому уже две недели спустя после начала операции в Москву поступили первые списки арестованных, обвиняемых в «японском» шпионаже, а первый протокол Комиссия НКВД и Прокурора СССР подписала в конце сентября 1937 г.⁸⁰

Помимо следователя, обвинительное заключение, в котором кратко излагалась суть обвинения и определялась инстанция (судебная или внесудебная), которая будет выносить окончательный приговор, подписывали начальники отделений и отделов. После этого предлагаемую меру наказания утверждал начальник НКВД (УНКВД). На основании следственных материалов составлялись краткие справки на каждого арестованного с указанием биографических данных и сведений, характеризующих степень «виновности». Справки с предъявленным обвинением шивались в «альбом», отдельно по «польской», «немецкой», «харбинской» и другим операциям. «Альбом» сопровождался списком указанных в нем лиц с отнесением к первой или второй категории. Каждая «альбомная» справка была подписана начальником НКВД (УНКВД) и прокурором (своеобразная территориальная «двойка»). После этого документы отправляли в Москву для утверждения приговоров Комиссией НКВД и Прокурора СССР. Такой порядок осуждения получил название «альбомного». Согласно приказу № 00593 НКВД СССР, «альбомы» должны были составляться и направляться в центральный аппарат еженедельно, однако на деле это требование не выполнялось.

Следуя директивным инструкциям, в первую очередь закрытому письму № 60268 от 20 сентября 1937 г., карательные органы выявляли «шпионов», «диверсантов», «террористов», «участников контрреволюционных фашистских формирований» и прочих «контрреволюционный элемент». Так, согласно докладной записке начальника УНКВД УССР по Днепропет-

---

⁷⁹ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5858, 4950.

⁸⁰ Архив УФСБ по Омской области. Ф. 6. Пор. 9828.

ровской области от 3 января 1938 г., за первые полгода проведения операции аресту подверглись 200 выходцев из Харбина. Как «завербованные» Японией прошли 165 чел., среди которых: «шпионов» – 65, «диверсантов» – 34, «террористов» – 27, «участников контрреволюционных фашистских формирований» – 19 и прочих «контрреволюционеров» – 20, остальным инкриминировали троцкизм⁸¹. Такого рода перечень обвинений воспроизводился и в других республиках, областях и краях страны⁸².

Как нам представляется, в репрессиях по «кулацкой» операции, серии «национальных» операций и чисток советской элиты не было четких границ в определении целевых категорий, что давало возможность проводить дополнительные аресты и осуждения. Автором установлено, что «харбинцы» как бывшие служащие КВЖД и реэмигранты из Китая прошли не только по приказу № 00593, но и по другим массовым операциям, в том числе по «кулацкой» карательной акции и в рамках чисток советской элиты. Региональные сотрудники НКВД имели широкие полномочия в проведении репрессий. Помимо отнесения арестованных к одной из массовых операций сотрудники НКВД определяли инстанцию (судебная или внесудебная), которая будет выносить окончательный приговор. Это давало местным чекистам широкие полномочия в увеличении количества репрессированных, так как «кулацкая» и «национальные» акции, а также чистки советской элиты шли параллельно друг другу. При этом Москва не давала четких инструкций по распределению контингента между судебными и внесудебными инстанциями. Несомненно, центральный аппарат НКВД контролировал региональные органы в вопросе распределения репрессированных контингентов по массовым операциям и, соответственно, по карательным инстанциям, так как списки арестованных, подлежащие рассмотрению Военной коллегией Верховного суда СССР и «двойкой», направлялись на утверждение в центральный аппарат НКВД. Комиссия НКВД и Прокурора СССР не всегда утверждала предложенную региональными карательными органами меру наказания, в некоторых случаях «двойка» предписывала передать дело на рассмотрение Военной коллегии Верховного Суда СССР, Военного трибунала или суда, изменить расстрел на лагерное заключение. Похожая ситуация сложилась и со списками репрессированной советской элиты. В исключительных моментах дела передавались на рассмотрение в «альбомном» порядке, т. е. в компетенцию «двойки»⁸³.

Несмотря на широкие права региональных органов НКВД, Москва несколькими способами осуществляла контроль за действиями местных чекистов. Первый способ заключался в информировании центрального аппарата о ходе операций каждые пять дней. В таких шифротелеграммах территориальные карательные органы сообщали общую численность арестованных с начала проведения операции, количество задержанных за пять дней и т. д. Докладные записки, подготовленные региональными органами НКВД для центрального аппарата, стали еще одним способом контроля. В таких документах подробно сообщалось о ходе карательной акции, а именно: о количестве арестованных, раскрытых групповых делах, прилагались протоколы допросов, а также справки на лиц, выявленных в ходе допроса обвиняемого в «японском шпионаже», и т. д. Записки направлялись в столицу до нескольких раз в неделю. «Альбомные» списки, направляемые в НКВД СССР, также служили для проверки. Кроме того, в январе, апреле, июне, ноябре по требованию Москвы были подготовлены сводные отчеты об итогах массовых операций 1937–1938 гг.

На начальном этапе Большого террора, основываясь на приказе № 00593 и закрытом письме о деятельности «харбинцев», которые указывали на будто бы существующую в стране разветвленную диверсионную сеть японских шпионов, сотрудники НКВД строили дела не индивидуальные, а групповые, искусственно создавая шпионские, диверсионные и контррево-

---

⁸¹ ОГА СБУ. Ф. 16. Оп. 30. Д. 284. Л. 83.

⁸² Аблажей Н.Н. С востока на восток: российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007. С. 191.

⁸³ Архив МВД Грузии. Ф. 12. Д. 88.

люционные организации. Все «подразделения» были связаны между собой, не случайно протоколы допросов «харбинцев» отсылают оперативных сотрудников НКВД к руководителям подразделений, а те в свою очередь «раскрывают» весь состав организации. Рассекречивание и уничтожение одной организации необратимо вело к раскрытию другой. Как правило, такие «подразделения» могли включать в себя до нескольких десятков человек. Так, на промышленных предприятиях Барнаула зимой 1938 г. была рассекречена террористическая организация из 80 чел. во главе с бывшим торговцем П.В. Свицерским⁸⁴. На основании его «признательного заключения» к весне 1938 г. в промышленности города была вскрыта и уничтожена еще одна контрреволюционная повстанческо-диверсионная группа во главе с «харбинцем»⁸⁵. Согласно ряду докладных записок, например, на Южной железной дороге сотрудниками ДТО ГУГБ были «вскрыты» группы «Восток» и «Самурай», в Киевской области – «Мурашка», «Семья», «Азиаты» и т. д.⁸⁶ В Красноярском крае было вскрыто и ликвидировано 26 «шпионо-диверсионных» организаций и т. д. Однако в январе 1938 г., с началом нового витка репрессий, фальсификация крупномасштабных дел была завершена. Объяснить это можно тем, что Москва требовала от региональных чекистов оперативной работы, которая должна была выражаться в ускоренном проведении следствия и в увеличении числа репрессируемых. Каждые пять дней начальники управлений НКВД отчитывались перед центральным аппаратом о ходе массовых операций. В таких отчетах главным показателем «работы» являлось количество раскрытых и ликвидируемых организаций.

Уже в 1939 г. под руководством нового наркома внутренних дел Л.П. Берии началась проверка деятельности органов НКВД за период Большого террора. Материалы проверки вскрывали неприглядную картину массовых фальсификаций работников НКВД. Факты фальсификации подтверждаются заявлениями о пересмотре дел, которые были направлены в Прокуратуру СССР в 1939–1941 гг. осужденными на заключение в ИТЛ или родственниками расстрелянных. Из заявлений следует, что имели место подтасовка фактов, привлечение к делу лжесвидетелей. Как правило, сотрудник УНКВД составлял протоколы допросов по заданному начальством трафарету: все формулировки даны, оставалось лишь вписывать имена. Именно поэтому протоколы допросов однотипны.

Таким образом, в целевые категории «национальных» операций были включены все те, кто имел любую «связь с границей». Поэтому «харбинская» карательная акция является одной из «национальных» операций Большого террора: поводом для репрессий по приказу № 00593 выступала «связь с японским государством». «Харбинцы» как бывшие служащие КВЖД и реэмигранты из Китая стали целевыми категориями всех массовых операций Большого террора. Однако принцип отнесения их карательными органами к той или другой операции не до конца понятен. Включение «харбинцев» в массовые операции 1937–1938 гг. способствовало росту репрессий в отношении целевых категорий, обозначенных в приказе № 00593. «Харбинской» карательной акции, так же как и остальным массовым кампаниям, предшествовал долгий предоперационный период, заключавшийся в подготовке территориальных органов НКВД к предстоящей репрессии. Уже зимой 1937 г. борьба с «японскими» шпионами была обозначена Политбюро ЦК ВКП(б) как одно из главных направлений карательной политики. Приказ № 00593 вышел совместно с закрытым письмом, что стало одной из особенностей «харбинской» операции. В целом механизм репрессий от ареста до вынесения приговора не отличался от других «национальных» операций. Однако выбор целевых категорий приказа № 00593, а именно бывшие служащие КВЖД и реэмигранты из Китая, предопределил нестандартность «харбинской» операции. Но нетипичность проведения карательной акции прояви-

⁸⁴ ОСД ГААК. Ф. Р.-2. Оп. 7. Д. 5112. Т. 1–12.

⁸⁵ ОСД ГААК. Ф. Р.-2. Оп. 7. Д. 4294.

⁸⁶ ОГА СБУ. Ф. 16. Оп. 30. Д. 284. Л. 1–25.

лась не на уровне центра, а на уровне регионов, так как у территориальных органов НКВД были разные представления о «неблагонадежных» группах населения, проходящих по учетам как «японские» шпионы. Во многом этому способствовал подготовительный этап репрессии, когда в число «агентов японской разведки», помимо бывших служащих КВЖД и реэмигрантов из Китая, были включены представители «национальных» меньшинств и другие «социально опасные» категории населения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.